

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1587

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Владимир Набоков
110 лет
Новый роман

№12
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долгин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокушко, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирём, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор *А.М. Самойлова*

Вёрстка *М.Ю. Родионов*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 12 (1587) декабрь 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора 2

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Модернизация сознания

Отклик Совета НТС на обращение
Президента России Д.А. Медведева
«Россия, вперед» и его Послание
Федеральному Собранию России 3

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт.

Парад в честь парада 5

Игорь Харичев.

Еще раз о западных ценностях. 6

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Илья Хандриков.

Великий перелом костей 8

Антон Васильев.

Особые отношения 12

А.И. Кругов, М.В. Нечитайлов.

Поляки в Кавказской войне
1817–1864 гг. 18
Листовки НТС в Афганистане 22
К 130-летию «Богоданного Вождя» 23

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Ирина Роднянская.

Ленин: художественно-исторический
портрет за гранью идеологий 28

Рената Гальцева.

Солженицын: пророческое величие 34

ЮБИЛЕИ ГОДА

Андрей Сергеев.

Величие и ничтожество русского
интеллигента 43

Игорь Шауб.

«Чудовище, но какой писатель!» 46

Литературная сенсация напрямую связанная с Русским Зарубежьем – премьера романа Владимира Набокова. Работу над своим последним произведением он начал незадолго до смерти, и не успел его закончить, распорядившись уничтожить все черновики.

Однако последняя воля писателя не была выполнена: карточки с черновиками более 30 лет хранились в швейцарском банке. После долгих лет размышлений, сын писателя Дмитрий принял решение опубликовать эту «блестящую, оригинальную и потенциально революционную» вещь, представляющую собой «самую концентрированную квинтэссенцию творчества» писателя.

«Мой отец назвал мне свои самые важные книги. Одной из них он считал “Лауру”. О книге, которую хотят уничтожить, так не говорят», – объяснил Дмитрий Набоков, аргументируя решение опубликовать роман вопреки отцовской воле. Перевод произведения на русский язык было доверено одному из лучших американских специалистов по творчеству Набокова, Геннадию Барабтарло.

Последняя работа Набокова, а именно 138 каталожных карточек – лишь набросок так и не оконченного романа. Текст романа «Лаура» и ее оригинал издан в трех вариантах.

Массовое издание, в которое входит русский текст романа с указанием на полях номеров карточек, с которых сделан перевод. Также в книгу включены две статьи. В своем предисловии сын писателя Дмитрий Набоков рассказывает, почему он решился на публикацию романа против воли отца. В предисловии переводчик Геннадий Барабтарло пытается объяснить смысл композиции романа, уделяя особое внимание порядку следования карточек, принятому Дмитрием Набоковым и консультантом-литературоведом, порядку, в котором читатель сможет познакомиться с текстом романа.

Коллекционное издание. Коробка с колодой карточек и брошюрой. Колода представляет собой сто тридцать восемь оригинальных карточек размером 9x12 см каждая, воспроизведенных факсимильно. На таких библиотечных, так называемых оксфордских карточках, с двенадцатью бледно-синими линейками с красной верхней строкой, Набоков записывал и переписывал свои романы начиная с «Лолиты». Читатель получает возможность сложить карточки в любом порядке, попытавшись восстановить возможный замысел автора. Брошюра включает в себя русский перевод романа, предисловие Дмитрия Набокова и послесловие Геннадия Барабтарло.

Полное цветное издание. Книга состоит из двух блоков – русского и английского. В русский блок входят перевод романа с нумерацией карточек на полях, а также статьи Дмитрия Набокова и Геннадия Барабтарло. Второй блок включает 138 фотографий карточек, на которых был записан роман, с параллельным расшифрованным английским текстом.

Хочется отметить, что заканчивающийся 2009 год для Владимира Набокова юбилейный. Читайте статью Игоря Шауба в этом номере журнала.

Да, Набоков был далёк от политики, но, по крайней мере, одно его политическое высказывание зафиксировано: проглядывая газету, вышедшую в СССР во второй половине 1940-х годов, писатель произнёс: «Советский Союз русского народа».

Модернизация сознания

ОТКЛИК СОВЕТА НТС НА ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Д.А. МЕДВЕДЕВА «РОССИЯ, ВПЕРЕД» И ЕГО ПОСЛАНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИИ

В своих выступлениях осенью 2009 года Президент призывает к модернизации страны, прежде всего ее экономики. Он вспоминает о насильственных модернизациях при Петре I и при большевиках, вызвавших огромные жертвы, упуская из виду решающую модернизацию 1880–1916 годов, начавшуюся вследствие Великих реформ Александра II и достигшую вершины при Думской монархии. Ключевые показатели образования и производства за это время поднялись в 10 раз, а достигнутый научный уровень сделал позднейшие советские атомные и космические успехи возможными.

Президент обращает внимание и на барьеры, мешающие модернизации сегодня. На первом месте «вековая коррупция». А вековая ли? В 1917 году Временное правительство очень хотело уличить правительство Николая II в коррупции и не нашло улики. «Вековая» коррупция была изжита, если не считать мелких полицейских взяток (позволявших, например, лицам иудейского вероисповедания жить вне черты оседлости). Происхождение нынешней коррупции иное – она продукт разложения советского аппарата при Брежневе. Полный цинизм в отношении государственных и правовых ценностей и стяжательство как реакция на принудительный альтруизм были перенесены номенклатурой из СССР в новую Россию. Смены номенклатуры, «люстраций», увы, не произошло.

Другой барьер – по Медведеву – «патерналистические настроения», уверенность, что все вопросы должно за тебя решать государство. Между тем, до революции в России ни купечество, ни «кулачество» (вскоре уничтоженное как класс), ни интеллигенция, ни малочисленный пролетариат отсутствием инициативы не страдали. Правилу «не высывайся!» научили семь десятилетий жизни в тоталитарных условиях.

Обобщая скажем, что свинцовой гирей, мешающей нам двигаться вперед служат многочисленные наслоения советского менталитета. От этого менталитета и надо избавляться, в самых разных областях. Нужна, прежде всего, «модернизация» сознания. Об этом не заботится власть, но этим она должна заниматься в первую очередь.

1. Понимание истории

а) Большую часть XX века одновременно существовало две России: Россия советская и Россия антисоветская. Первая захватила власть в 1917 году незаконным насилием и 70 лет подавляла вторую. Когда подавление прекратилось, советская Россия и рухнула. По логике вещей, нынешняя Россия есть наследница России антисоветской. Ее отношение к Церкви, к собственности, к деньгам, к внешней по-

литике прямо противоположно советскому. Потому нашему антисоветскому прошлому и надо уделять должное внимание при изучении истории, а его героям – должный почет. Постсоветская власть частично это признала. В.В. Путин отдал почести нескольким деятелям Белого движения. Но сопротивление большевизму не ограничивалось теми, кого перезахоронили на кладбище Донского монастыря. Продолжались восстания, церковное сопротивление, борьба крестьян против коллективизации, вылившаяся позже в так называемый «коллораборационизм». Который был движим отнюдь не симпатиями к гитлеризму, а стремлением сохранить людям жизнь и создать альтернативу советской власти. После войны – восстания в концлагерях, отказ советских солдат – ценою своей жизни – стрелять в восставших немцев в 1953 и венгров в 1956 годах, диссидентство, антисоветская деятельность внутрироссийских и зарубежных подпольных организаций. Это часть истории народа, которую надо всем знать. Множество свидетельств о ней запечатаны в ведомственных архивах, которые надо раскрыть. Никаких запретных тем в нашей истории быть не должно.

б) Коммунистическая диктатура Сталина и нацистская диктатура Гитлера – явления одного порядка. В свое время их даже звали «братьями коммунации». Один истреблял преимущественно свой народ, другой – чужие народы. Трагедия русского народа в 1941-1945 гг. в том, что защищая свою страну, он защищал и диктатуру Сталина, а борясь против Сталина, он помогал врагу внешнему. Эту трагедию нельзя маскировать медоточивой риторикой про Великую отечественную. Война была не только Отечественной. Она, особенно на первом этапе, была и войной гражданской (кто знает, что в Сталинграде на немецкой стороне без всякого Власова пало 50 000 советских граждан? Их трагедии где стоит памятник?) А на последнем этапе она была войной завоевательной, направленной на коммунизацию Европы. Страны Восточной Европы в 1945 году ощутили не освобождение, а смену одной диктатуры – 4-хлетней, на другую, 40-летнюю. Если мы это поймем, мы легче найдем общий язык с нашими западными соседями.

в) Последние годы сильна тенденция обелять диктатуру Сталина. И голодомор, мол, был не такой страшный, и террор преувеличен, и главное – СССР был таким же государством как все: они с Гитлером договорились в Мюнхене, а мы с Риббентропом в Москве. Это как раз и есть фальсификация истории. СССР не был таким же государством как все, он назывался «государством нового типа».

12/2009

Его руководящим ядром, по Конституции, была компартия, представлявшая собой секцию Коминтерна, ставившего себе цель мировой пролетарской диктатуры. И образование Советского Союза, по декабрьскому договору 1922 г., должно было стать «решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». К 1991 году эта цель отпала, и СССР распался; он никогда не был российским государством, хотя некоторым и хотелось его таким видеть. И в 1939 году война была Сталину нужна именно как средство приблизиться к цели мирового коммунизма. Следуя завету Ленина, надо было сравнить капиталистические страны к войне между собой. И в реализации захватнических планов коммунизма Сталин и его наследники преуспели: через 40 лет после упразднения Коминтерна, к 1983 году, они объединили в «лагере мира и социализма» (государствах, признающих марксизм-ленинизм) 34% населения Земли.

г) Катынь, Куропаты, Винница, Бутово и сотни иных расстрельных мест, массовые депортации вызывают порой у комментаторов лукавый вопрос: что нам, стыдиться своего прошлого или оправдывать его? Не надо ни того, ни другого. Надо называть преступления преступлениями и определять преступников. Не надо путать народ и режим. В каждом народе, и в русском, и в украинском, и в польском, находились пособники преступлений, но в массе своей русский народ первым стал жертвой режима. Не «мы» виноваты в Катыни, а сталинская власть, которой мы – не преемники.

д) Понимание истории важно потому, что оно задает направление на будущее. Восхвалять достижения рухнувшей советской власти – это путь в никуда. До начала советской эпохи население России было **вдвое больше** населения США, а уровень жизни – примерно одна пятая. После конца этой эпохи население России – **половина** населения США, а уровень жизни – все та же одна пятая. Таков итог коммунистического эксперимента над Россией. В отличие от Октябрьской революции 1917 года, которая обернулась небывалой катастрофой, Августовская революция 1991 года была рывком вперед, в будущее. Народ России, судьбу которого, по словам В.В. Путина, «исковеркал тоталитарный режим», использует обретенные возможности порой не очень умело. Но величайшее достижение народа в том, что мы сами, без войны и кровопролития, от тоталитарной власти избавились, что очень многие считали невозможным. Эту победу и надо прославлять прежде всего и на ней строить будущее.

2. Исправление имен

Наряду с ориентацией во времени – в истории – важна и ориентация в пространстве. Если на улицах мы видим французские надписи, мы знаем, что мы во Франции, русские – в России, а если советские, то мы вроде в СССР, которого давно нет. Это дезориентирует. Никому в голову не придет сохранять

уличные названия времен немецкой оккупации, а оставшиеся от советского времени мы храним под предлогом, что это часть нашей истории. Вопрос: какая часть? Кем отобрана? И что она заслоняет?

Все советское время шла кампания географических переименований, направленная на то, чтобы возвеличить образы, символизирующие советскую власть, и обезличить страну, лишив ее местного колорита. Причем фигуры, находящиеся на данный момент в фаворе, менялись и их подборка к концу советского времени – довольно случайна. А затмили они собой исконный ландшафт названий, который в самом центре Москвы, отчасти в Петербурге был в начале 1990-х годов восстановлен. Эту работу необходимо продолжить.

Первый приоритет – возвращение исконных имен всем городам, площадям улицам и прочим географическим объектам, которые были лишены своего имени в советское время.

Следующий этап касается мест, где исторических названий не было. Там нужна замена названий, возвеличивающих революционеров и террористов, разрушавших Российскую Империю, деятелей и явления тоталитарной власти и иностранных коммунистов, названиями в честь создателей российской культуры и государственности и деятелей антисоветского сопротивления.

В обновленном идейном ландшафте неуместными станут и остатки советской монументальной пропаганды, в том числе множество памятников Ленину и само захоронение вождя на главной площади страны. Неспособность правительства решиться на этот шаг с 1994 года (когда удаление Ленина из мавзолея реально стояло на повестке дня) отражает тот идейный застой, в котором все эти годы находится страна. Опасение, что такой акт расколется страну, – беспочвенно. Он вызовет разве что недовольство каких-то носителей «старого мышления» в правящем слое, которые этим покажут, что им в этом слое не место. Небольшие расходы, связанные с отказом от советской символики, государство вполне может взять на себя: они с лихвой окупятся изменением сознания.

Людам надо ощутить, что они живут в другой стране, не в советской, и что она требует и иного поведения. Такого, к которому будут призывать имена людей, запечатленные в новых географических названиях и памятниках.

3. Укрепление демократии

а) Равновесие властей. Вертикаль власти нужна в исполнительном аппарате, но за его пределами должна существовать и горизонталь. Исполнительная власть не может подминать под себя и суды, и прокуратуру, и выборные органы, иначе все они теряют авторитет. Каковы бы ни были реальные результаты выборов 11 октября 2009 года, факт тот, что явка была очень низкой и явились преимущественно пенсионеры: «мы привыкли голосовать». Люди более молодого возраста смысла в таких выборах не видят. Необходимо обеспечить реальное

разделение властей и защиту выборов от любых злоупотреблений.

б) Элементы беспартийной демократии. Существование политических партий неизбежно в условиях демократии, но в России затруднено тем, что в начале XX века яд партийности разъедал и общество и государство, а стихийное формирование партий в 1990-е годы не удалось. Нынешние партии, по существу, искусственно созданные административные образования. Потому наряду с системой партий следует провести опыт беспартийных выборов по ступенчатой схеме, предложенной еще М.М.Сперанским. Избиратели голосуют непосредственно только за кандидатов в органы местного самоуправления. Те выбирают из своей среды депутатов в законодательные собрания субъектов Федерации, а те, в свою очередь, в Совет Федерации. Такая система имеет ряд преимуществ: на каждой ступени все избиратели имеют возможность лично знать своего кандидата; у членов Совета федерации будет

за спиной опыт работы на всех низших ступенях законодательной пирамиды; кандидаты выдвигаются не по партийным ярлыкам, которых у них может и не быть, а по личным деловым качествам, известным их коллегам; наконец, расходы на предвыборную агитацию сводятся к минимуму. Возможно, что России предстоит сказать новое слово в политике и отстроить беспартийные формы демократии.

в) Воспитание элиты. Государству необходимо поощрять работу учебных заведений и молодежных организаций, воспитывающих прежде всего **этику служения, а не максимизации дохода**, понятия чести, солидарности и любви к тысячелетней России. Из этих школ и организаций должны выйти свободно мыслящие люди, которые со временем захотят изменить морально-психологический климат в нашем государственном аппарате и вокруг него. Их самосознание, их патриотизм будет российским.

Совет Народно-Трудового Союза российских солидаристов, Москва 14 ноября 2009.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

7 ноября на улицах Москвы были вывешены растяжки с текстом: «68 годовщина Парада на Красной Площади, посвящённого 24 годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции».

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Парад в честь парада

Впреддверии очередной годовщины СМИ РФ вновь порадовали телезрителей и читателей сюжетами о подготовке к параду на Красной площади в Москве 7 ноября 2009 г. уже несколько лет, как возрождённые парады стали «доброй традицией». Причём само название этого мероприятия с начала нового века трансформировалось, его следует теперь называть «парад в честь парада», ибо «Великий Октябрь» в качестве «красного дня календаря» с конца 1980-х годов либо дискредитировал себя в глазах значительной части граждан РФ, либо оставляет их равнодушными. А по сему 7 ноября с полным основанием можно поставить в один смысловой ряд с такими словосочетаниями, как масло масляное, вода мокрая и т.д. По крайней мере до конца 1980-х в СССР 7 ноября было главным государственным праздником и парад проводился не в честь парада, а в ознаменование очередной годовщины ВОСР. Кто забыл, напомним, что ВОСР – это Великая Октябрьская социалистическая революция. Тогда тоже устраивали костюмированные военные парады. Только выглядели они куда как правдоподобнее. Наверное, самым зрелищным и запоминающимся был юбилейный, состоявшийся 7 ноября 1967 года. Тогда по Красной площади промаршировали солдаты советской армии, одетые в

форму красноармейцев времён гражданской войны. Участвовали в том памятном параде воспитанники советских суворовских и нахимовских училищ. Ибо устроителям парада в честь ВОСР не приходила в голову бредовая идея переименовать советских суворовцев и нахимовцев в кадет, поскольку кадетские корпуса прочно ассоциировались с Российской Императорской армией, а не с вооружёнными силами СССР. Ни для кого не был секретом тот факт, что кадеты участвовали в гражданской войне в рядах Белых армий. В частности, в Москве, в октябре 1917 года кадеты старших классов кадетских корпусов, располагавшихся в Лефортово, вместе с юнкерами и офицерами воевали против отрядов красной гвардии. Тогда же принимали участие в боях против местной красной гвардии воспитанники Ташкентского кадетского корпуса. Поэтому организация парадов не приходила в голову переименовывать советских суворовцев в «староружимных» кадет.

Знают ли о существовании московского кадетского корпуса имени Ленинского комсомола старики – ветераны, воспитанники зарубежных кадетских корпусов, последние настоящие русские кадеты? А именно такое взаимоисключающее название носит один из «возрождённых» в РФ кадетских

корпусов. Сложно сказать, чего больше в этом названии, цинизма, идиотизма, или исторического мародёрства.

Интересно было бы узнать, что обо всём этом думают читатели и подписчики «Кадетской переключки», «Бюллетеня» кадет зарубежных российских кадетских корпусов.

7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве состоялся военный парад в ознаменование 24-й годовщины «Великой Октябрьской социалистической революции». В Русском Зарубежье этот день на протяжении многих десятилетий отмечали как день Непримируемости и скорби.

Игорь Харичев

Еще раз о западных ценностях

СТАТЬЯ С ИСТОРИЕЙ

История: настоящая статья, в несколько более коротком виде, была предложена в мае 2009 года одной весьма популярной и давно известной центральной газете. Заведующая отделом общества, отвечающая за подобные материалы, сказала, что статья ей понравилась, и она передала ее наверх, но руководство газеты готово ее опубликовать только в том случае, если будет получена отмашка из администрации президента России. Желая решить проблему, автор статьи разыскал телефон приемной Владислава Суркова, нынешнего главного идеолога, а значит и главного «разрешальщика». Секретарь большого человека выслушала суть дела и продиктовала электронный адрес для присылки статьи. Что и было сделано. В коротком сопроводительном письме автор просил помочь, дать отмашку на публикацию, тем более, что В.В. Путин в своих зарубежных выступлениях часто говорит о либерализме. Отмашка не была дана. И никакого ответа автор тоже не получил. По прошествии полугода он посчитал возможным предложить статью другому изданию, не нуждающемуся в разрешении сверху для публикации материала в защиту либерализма.

Сейчас нередко можно услышать, что мировой кризис прежде всего нравственно-моральный, а не экономический. И настала пора отказаться от либерализма, от западных, то есть общечеловеческих ценностей. Пора искать иные основы развития мировой цивилизации.

Кризис поставил перед экономически развитыми странами очень серьезные вопросы. Похоже, настала пора пересмотреть отношение к безудержному потребительству, устранить противоречие между глобальной экономикой и специфическими интересами отдельных государств, усовершенствовать международное законодательство и обеспечить его исполнение, подготовить переход к новой резервной валюте.

В США кризис вызван в первую очередь тем, что там в течение долгого времени раздувался за счет кредитов совокупный спрос, и, в конце концов, он намного превысил реально располагаемые доходы населения. Этакая громадная антипирамида в масштабах всей страны, потому что в отличие от наших пирамид банки не обирали граждан, а безудержно выдавали им кредиты. Но все не имеет никакого отношения к либерализму. Потому что настоящий либерализм – это ставка на инициативу граждан во всех сферах жизни, это доверие инициативе граждан. Это когда государство не говорит гражданам: не дергайтесь, не волнуйтесь, я все сделаю, что необходимо. Это когда государство исходит из того, что большую

часть необходимой работы сделают люди, а оно должно обеспечить условия, чтобы могли ее сделать.

Роль государства в экономике – давняя тема для горячих споров. К примеру, популярный экономист Михаил Делягин, обсуждая антикризисную программу Правительства РФ, представленную В. Путиным в Думе 6 апреля 2009 г., писал в «Ежедневном журнале» (07.04.09): «Программа по-прежнему основана на фундаментальном либеральном мифе о необходимости устранения государства от регулирования экономики. В частности, утверждается: “Приоритет опоры... на частную инициативу будет обеспечен и в кризисных условиях”. Это равнозначно признанию составителей программы не только в идеологической зашоренности и неграмотности (так как “частная инициатива” в принципе не может видеть стратегическую перспективу и поэтому нуждается в направляющей руке государства, а в условиях кризиса ее возможности еще и намного меньше возможностей государства), но и в заведомой неэффективности разрабатываемых на основе подобных заблуждений “антикризисных мер”».

Но либеральный подход в экономике не отрицает роли государства, он лишь четко определяет ее границы. Известный немецкий экономист Вильгельм Репке, еще в XX веке объясняя роль либерального государства, сравнил его с футбольным судьей, который сам не играет, но заставляет футболистов играть по правилам. Наше государство, если уподобить его судьей, в течение последних 18

* Автор – генеральный директор журнала «Знание-сила».

лет не только «судило игру», но и всегда пыталось при этом действовать в качестве игрока, намного превосходящего других игроков по массе и частенько меняющего правила по ходу игры. А стратегической перспективой в иные периоды оно не занималось вовсе не потому, что это было запрещено либералами.

Хотелось бы сказать об универсальности западноевропейской культуры. С одной стороны, ее можно воспринимать как сугубо специфическую культуру, присущую странам Западной Европы. С другой стороны, только эта культура дает возможность наиболее полно использовать потенциал каждого из членов общества, а значит задействовать те скрытые ресурсы, которые не в состоянии задействовать ни одна другая культура. Только западноевропейская культура обеспечила бурное развитие науки и промышленности начиная с XVII века. Так что ее вполне можно считать универсальной культурой, обеспечивающей экономическое и социальное развитие. Восприняв эту культуру – прежде всего выборность и разделение ветвей власти, независимую судебную систему, защищенную частную собственность, – совершили колоссальный рывок во второй половине XX века сугубо восточные страны Япония и Южная Корея. (При этом японцы не перестали быть японцами, а южные корейцы – корейцами). Китай добился впечатляющих успехов, обеспечив гражданам экономические свободы, прежде всего защищенность частной собственности и полную независимость предпринимателей в сфере их деятельности, то есть, восприняв далеко не все, но наиболее важные с точки зрения экономики либеральные ценности. Следовательно, попытки прививать западноевропейскую культуру правильнее рассматривать не как унижительное следование Западу, а как использование открытых там закономерностей, связывающих определенную культуру и успешность модернизации.

Отрицание либеральных ценностей по той причине, что они открыты в Западной Европе, равносильно отрицанию закона всемирного тяготения на том основании, что его открыл англичанин Исаак Ньютон. Но закон действует вне зависимости от нашего к нему отношения. И попытка вести свой, суверенный закон тяготения обернется большими проблемами для нас.

Представители отечественного «западничества» в 40-е и 50-е годы XIX века считали, что страны Западной Европы и Россия развиваются по единым для всего человечества законам. Насколько известно, их оппонентами были славянофилы, предлагавшие свой проект устройства земной жизни, который предназначался ими не только для России, но и для остальной Европы и содержал общечеловеческое начало. Вместе с тем, как отмечает в одной из своих статей глубокий, интересный философ Вадим Межуев: «...диалог западников и славянофилов – органическая часть обще-

европейского диалога... Россия смогла вступить в диалог с Европой потому, что у русских образованных людей появилось сознание не только отличия России от Европы, но и ее общей с Европой исторической судьбы».

Несмотря на столь долгое участие в общеевропейском диалоге и на не менее длительный внутрироссийский диалог, Россия так и восприняла западноевропейскую культуру, а значит, и не стала полноправной частью Европы. Хочется еще раз подчеркнуть, что проблема не в том, чтобы стать частью Европы, а в том, что нынешнее наше положение не дает шанса на экономическое и социальное развитие, позволяющее стать вровень с экономически развитыми странами. Не случайно президент России Дмитрий Медведев неоднократно признавал минувшим летом и осенью, что многолетние попытки уйти от сырьевого характера отечественной экономики пока что не принесли успеха. Однако, важно видеть истинные причины отрицательного результата. Не ошибки министерств или отдельных чиновников, а незащищенность частной собственности, как для крупных, так и для малых предпринимателей, отсутствие реального правосудия, политической конкуренции, ужасающий диктат чиновников на всех уровнях власти и прочее, прочее.

Политолог, журналист, телеведущий Виталий Третьяков в «Известиях» от 02.04.09 в статье «Кто мешает покончить с «холодной войной»?» писал: «...русская цивилизация отчасти является альтернативной по отношению к западной. Но нашу альтернативность пытаются выдать за нашу антагонистичность или враждебность. Между тем Россия вместе и со «старым», и с «новым» Западом вообще входит в одну, но, к сожалению, по вине Запада, не единую евроатлантическую (христианскую) цивилизацию». И это достаточно распространенная позиция! Разумеется, ничтожное человека перед государством, наплевательское отношение к закону, бесправие рядовых граждан, ужасающую коррупцию можно назвать альтернативностью по отношению к западной цивилизации, но в этом случае смешно говорить о принадлежности России к единой евроатлантической цивилизации. И как тогда относиться к наметившейся тенденции на борьбу с правовым нигилизмом, с коррупцией, на укрепление независимости судебной системы? Как к ненужной? С этим категорически нельзя согласиться.

Выступая с президентским посланием 12 ноября 2009 года, Дмитрий Медведев подчеркнул: «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей». Фактически речь о либеральном обществе. Как важно для будущего России, чтобы это намерение не осталось пустыми словами. А для этого необходимо, чтобы как можно больше россиян понимало значение либеральных ценностей.

Илья Хандриков

Великий перелом костей

К 80-ЛЕТИЮ УНИЧТОЖЕНИЯ ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В СССР

Очень важно понять, какой ценой была куплена «сталинская модернизация» в виде «большого скачка» в развитии тяжёлой промышленности и сплошной коллективизации деревни. Кажется, прошло много времени, чтобы представители этого поколения обратились к уже достаточно далекому прошлому со своими вопросами, чтобы возможно по-новому его прочесть.

Сегодня крайне необходимо с вершины исторического опыта нашего поколения прочесть и осмыслить многочисленные источники того времени. Когда-то, тридцать лет назад, будучи студентом истфака имел ли я такую возможность? Конечно, нет!

7 ноября 1929 года была опубликована статья Сталина «Год великого перелома», происходящего на всех фронтах социалистического строительства. Это произошло в двенадцатую годовщину Октябрьского переворота, когда Ленин и Троцкий «...не дождавшись даже открытия съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, эта партия путём военного заговора в тайне от других социалистических партий и революционных организаций, опираясь на силу штыков и пулеметов, произвела государственный переворот...» – из воззвания несогласных членов ЦК РСДРП к питерским рабочим.

Сталин оказался блистательным учеником великого учителя: «По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, клановая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику подавления сопротивления эксплуататоров, создавая базу для дальнейшего продвижения рабочего класса и основных масс крестьянства», – из выступления на июньском 1928 г. Пленуме ЦК.

Программным требованием большевиков была отмена любой частной собственности. И в этом смысле Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 года, стал первым мощным ударом по собственникам. Право частной собственности отменялось навсегда. Оно заменялось пресловутой всенародной государственной собственностью. Было конфисковано 150 миллионов га помещичьих, удельных, монастырских и прочих земель. Одновременно конфисковывался скот и сельхозинвентарь. Этот декрет со временем превратил крестьян в советских крепостных без паспорта и прав.

Следующим шагом был декрет от 10 ноября «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Этот декрет «...наносил коварный удар по россий-

ским предпринимателям, по тем честным и трудолюбивым людям, кто своей кипучей энергией, усердием и природными способностями содействовал быстрому росту отечественной промышленности и торговли, вносил большой вклад в развитие экономической и военной мощи Российского государства», – историк Аким Арутюнов.

7 (20) декабря 1917 года Постановлением Совнаркома № 21 в стране создается коралельно-террористическая организация – ВЧК. «Хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист», – Ленин.

14 декабря Ленин издал декрет «О национализации банков». На деле большевистское правительство подвергло экспроприации все российское население, независимо от размера вклада, все подчистую.

Далее правительство приступило к конфискации недвижимости частных лиц – заводов, фабрик, транспорта, гостиниц, торговых предприятий, того, что являлось собственностью граждан России.

9 мая 1918 года был принят преступный акт, автором которого являлся Ленин, о введении продразверстки. Народный комиссар продовольствия был наделен полномочиями «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов».

Жертвами этой акции стали 3,7 млн. крестьян. Это был террор, на который крестьянство и казачество ответили массовыми восстаниями, жесточайшим образом подавляемыми соратниками Ленина.

Ленин заявляет о необходимости введения всеобщей трудовой повинности. 8 ноября 1918 года Ленин объявил войну кулакам: «Если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист». Комбеды отобрали у кулаков 50 миллионов гектаров земли – треть тогдашних сельхозугодий.

Ленинская идея коллективизации закончилась тем, что Россия превратилась из экспортера хлеба и других сельскохозяйственных продуктов в импортера.

Таким образом, сбывалось пророчество Горького: «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт... Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею не менее кровавая и мрачная реакция», – 20 ноября 1917 года, газета «Новая жизнь».

К 1921 году население России по сравнению с осенью 1917 года сократилось более чем на 10 млн. человек, а промышленное производство уменьшилось в 7 раз. Весной и летом 1921 года в Поволжье разразился страшный голод.

* Илья Хандриков, предприниматель.

Жизнь заставила менять подходы. На X съезде РКП(б) провозглашается замена продразверстки продовольственным налогом – первый шаг на пути к НЭПу.

В 1921–1924 гг. проводятся реформы управления промышленностью, торговлей, кооперацией, кредитно-финансовой сферой. Была проведена денационализация мелкой, а отчасти и средней промышленности, в результате чего в руках государства осталась лишь треть ранее национализированных предприятий. Разрешается создание небольших частных предприятий с числом рабочих не более 20. Воссоздаются крупные ярмарки, открываются биржи. Допускается участие иностранного капитала в форме концессий, смешанных акционерных обществ и совместных предприятий. К 1927 году работали 92 таких предприятия в основном в горнодобывающей промышленности.

Возобновляется развитие разных форм кооперации на более выгодных условиях, чем частные, считаясь более «социально близкими» советской власти. Все это потребовало отмены принудительного труда и введения рынка рабочей силы. Создается двухуровневая банковская система: Государственный банк и сеть кооперативных и местных коммунальных банков. Налоговое бремя на первом этапе НЭПа (1921–1925 гг.) – 35–52% дохода в частном секторе, на втором (1926–1928 гг.) стало непомерно расти.

Денежная реформа 1922–1924 гг. ввела в стране твердую денежную единицу, обеспеченную золотом, – червонец.

В результате введения новой экономической политики в 1925 году валовой сбор зерна почти на 70,7% превысил среднегодовой сбор наиболее удачных для России 1909–1913 гг.

Почти 90% валовой продукции промышленности производилось госпредприятиями, но производительность труда на частных предприятиях была почти в два раза выше. Высокие темпы роста в первые годы НЭПа во многом объяснялись «восстановительным эффектом», но когда эти резервы стали иссякать, страна столкнулась с необходимостью огромных капиталовложений в промышленность. После отказа большевиков признать долги царского и Временного правительств, рассчитывать на иностранные инвестиции не приходилось. Частные капиталы требовали определенных гарантий.

Выход был найден – усиление налогового прессы, повышение арендной платы и др. Все это стало приводить к сворачиванию производств, нехватке промышленных товаров, увеличению цен. Главный узел проблем завязывался в деревне. В 1927 году на территории РСФСР возродившаяся община охватывала 95,5% крестьянских земель. Активно шел процесс кооперирования мелких крестьянских хозяйств, где сами крестьяне определяли степень и формы организации крупного общественного производства. Однако рост крупного товарного крестьянского хозяйства сдерживала государственная налоговая политика.

В годы НЭПа немалую роль играли частные предприниматели, работавшие на заготовительном рынке. Особенно велика была роль частника в глубинных районах. Во второй половине 20-х годов частник закупал в производящих районах около четверти хлеба и до трети сырья. Частник участвовал и в производстве товаров. К концу НЭПа на его долю приходилась пятая часть валовой продукции промышленности. Сферой действия частного капитала являлась и кустарная промышленность, объединявшая более половины всех рабочих и, производила треть валовой индустриальной продукции.

Особенно важную роль в период НЭПа частник играл в торговле. На частную патентованную торговлю приходилась только четверть различного товарооборота страны (без рыночной крестьянской торговли). Из 551,6 тысяч предприятий розничной торговли, работавших в 1927 году, на долю частника приходилось 410,7 тысяч – около 75%.

Обувную, трикотажную, швейную отрасли представляли мелкие кустарные мастерские с большой долей ручного труда.

Российская пищевая промышленность также традиционно была представлена мелкими и кустарными предприятиями.

Вместе с государственными торгами кооперативная торговля обеспечивала три четверти товарооборота. Через неё продавалось и около 80% продукции государственной промышленности. Тысячи кооперативов по снабжению, торговле, кредитованию и производству объединяли к 1928 году более половины сельского населения. Сеть кооперативов продолжала расширяться, пока они не были выкорчеваны коллективизацией.

Главным идеологом преобразования сельского хозяйства страны через развитие смешанной кооперации снизу («вертикальная кооперация» и «кооперативная коллективизация») был известной ученый А.Н. Чаянов, чей вариант стратегии преобразований на селе был принят бухаринским крылом руководства партии и включен в первоначальный вариант плана первой пятилетки.

Вариант Чаянова был отклонен Сталиным в пользу собственного варианта с его совершенно фантастическими цифрами.

С 1926 года началось последовательное наступление на частника. Наступление на нэпманов с целью их вытеснения из торговли и промышленности сначала велось, в основном, экономическими методами, путем обложения повышенными налогами. Процесс вытеснения частника из торговли подхлестнуло постановление «О государственной розничной торговле» (к увеличению доли кооперативной и государственной розничной торговли за счет частной).

В соответствии с решениями XV съезда РКП(б), на котором обсуждался первый пятилетний план, вытеснение частника должно было проходить постепенно, чтобы не образовалась брешь в товаропроводящей сети и не возникли перебои в снабже-

нии рынка. Однако начавшаяся форсированная индустриализация нарушила эти планы.

С 1926 года шла ликвидация бирж: к 1927 году в стране еще функционировало 115 бирж, но в течение года они свертывались повсеместно. Частник вытеснялся и чисто административными, репрессивными методами. Только предпринимателей-кожевников в 1927 году было арестовано две тысячи человек.

На XV съезде партии в декабре 1927 года Сталин констатировал падение удельного веса частного, вытеснение мелких торговцев: «Это значит, что если наша промышленность и наши торговые органы растут, то десятки тысяч мелких и средних капиталистов разоряются. Сколько лавок мелких и средних закрыто за эти годы? Тысячи».

Частникам были закрыты банковские кредиты, на транспорте для них устанавливались дискриминационные тарифы, реквизировались и изымались частные мельницы. Аннулировались многие договоры о сдаче концессий. В 1928 году прекращена аренда предприятий. Упразднены хозяйственные органы, через которые осуществлялось взаимодействие государственного и частного секторов. Синдикаты из хозяйственных расчетных органов оптовой торговли превращались в ведомственные подразделения промышленности. В 1929 году синдикаты были ликвидированы законодательно. 5 декабря 1929 года постановление ЦК ВКП(б) исключает тресты в решающих отраслях союзной промышленности. Восстанавливается жестко централизованная система управления промышленностью. В основном была восстановлена характерная для «военного коммунизма» система.

Червонец превратился в «приложение» к карточкам и фондам. Ориентация предприятий не на прибыль, а на план. Прорехи латали печатая деньги. Быстрый рост цен: «Нет ни хлеба, ни мяса, ни товаров. Если верно, что социализм учет, значит, мы в социалистическом обществе. У нас все делают по карточкам».

Решительный поворот к «контррепу» начался в 1928 году. Генеральный прокурор Крыленко Н.В. 24 мая 1928 года: «Исправлять классовых врагов не имеет никакого смысла». Если в первые годы НЭПа делался упор на перевоспитание. Сначала приговаривали к 1 году, затем «планка» поднималась до 5 и 10 лет, причем росло число приговоров уже за «контрреволюционные» и другие *особо опасные преступления*: в 1926 году – 17 804, в 1927 – 26 036, в 1928 – 363 751, в 1929 – 56 220 человек.

26 марта 1928 года ВЦИК и СНХ РСФСР издал постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения» – «суровые меры репрессий в отношении классовых врагов и деклассированных элементов».

В июне 1929 года появилось постановление Политбюро об использовании труда «уголовно-заключенных». 11 июля 1929 года появился термин «исправительно-трудовой лагерь» (ИТЛ), так стали

именоваться возникшие в годы гражданской войны концентрационные лагеря. Начали учитывать сколько нужно заключенных для выполнения заданий по заготовке леса. Позднее эту практику стали активно применять при строительстве различных объектов народного хозяйства.

И. Сталин «...для упрочения советского строя и победы социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности...» «...нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян».

В 1928 году начался слом общины как формы самоопределения в деревне.

В апреле 1928 года выступая на Московском активе ВКП(б) Сталин призвал связать борьбу с религией с наступлением на кулака: «Получилось в известной степени такая же комбинация, какая имела место в 1921 году, когда партия во главе с Лениным, ввиду голода в стране, поставила вопрос об изъятии ценностей из церквей на предмет приобретения хлеба для голодающих районов, построив на этом широчайшую антирелигиозную компанию, и когда попы, уцепившись за ценности, выступили на деле против голодающих масс и тем самым вызвали озлобление масс против церкви вообще, против религиозных предрассудков в частности, против попов и их руководителей в особенности...».

«Это циничная ложь, так как религиозные общества объединяли население страны. 75% браков в это время заключались в церкви в деревне» – Е.Г. Гимпельсон.

7 ноября 1929 года вышла статья Сталина «Год великого перелома», объявившая о переходе к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Но «Год великого перелома» есть и трансформация диктатуры Коммунистической партии в единоличную диктатуру Генерального секретаря партии Сталина. 21 декабря 1929 года (50-летие Сталина) стало триумфом его восхождения к высшей власти. «Сталин глубже океана, выше Гималаев, ярче солнца. Он учитель Вселенной» – из поздравлений.

В 1929 году, по словам Сталина, в стране произошла «революция сверху», видимо в прямом и переносном смысле.

Повсеместно, в соответствии с установками центра, принимаются решения форсировать процесс коллективизации.

В целях быстрого проведения коллективизации власти мобилизовали 25 тысяч рабочих из городов в дополнение к уже направленным ранее в деревню для проведения хлебозаготовок.

Так в Чувашию в январе-феврале 1930 года прибыла группа из 105 рабочих. Руководили ходом коллективизации районные «тройки» – чрезвычайные органы, в которые входили представители районов партии, исполкомов Советов, ОГПУ. Из меся-

ца в месяц «кривая» хода коллективизации круто взмывала вверх.

Уже в начале января 1930 года в колхозы было объединено 10% крестьянских хозяйств, а через месяц началась настоящая вакханалия. На 1 марта считалось, что в Чувашии коллективизировано 67,8% крестьянских хозяйств и 52% селений полностью стали колхозными. Крестьян заставляли вступать под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, раскулачивания, конфискации имущества, больших налогов, прекращения снабжения промтоварами и т.д. Административный произвол принял массовый характер. В одном районе предлагали: «Выбирайте: либо колхоз, либо сани», то есть арест на месте. В другом, за отказ войти в колхоз 14 хозяйств было обложено налогом по 500 рублей с уплатой в 24 часа. Поскольку крестьяне не могли уплатить налог, устраивали распродажу имущества. Ретивые администраторы торопились создавать огромные хозяйства – колхозы-гиганты.

Этот курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию фактически ввергал страну в состояние гражданской войны. По всей стране с января по март количество выступлений росло в разы и, в марте было зарегистрировано 1 642 массовых крестьянских выступления, в которых приняло участие 750–800 тысяч человек. На Украине в это время волнениями было охвачено уже более тысячи населенных пунктов. Массовое недовольство заставило отступить, после статьи Сталина в марте 1930 года «Головокружение от успеха». В результате на 20 апреля из 1212 колхозов в республике остался 51, но уже к осени началась новая волна насилия.

В 1931 году Крайком ВКП(б) направил в Чувашию указание о высылке 800 хозяйств – выселили 1 955 хозяйств с 7 144 едоками.

Силами ОГПУ удалось подавить антисоветские выступления, нейтрализовать и ликвидировать их организаторов и наиболее активных участников. Умирению крестьянства способствовала и массовая высылка кулаков и членов их семей в лагеря и трудовые поселения Сибири и на Севере.

Прототипом колхозов считали зерновые фабрики в Америке. В.В. Осинский по поручению Наркомзема посетил США, с целью изучения зерновых фабрик, существовавших там в начале века. К середине 1920-х – эти формы «уже давно не существуют». Единственная «пшеничная фабрика Кемпбелла», ставшая образцом для зерновых совхозов, являлась рекламным предприятием для пропаганды с/х техники. И, несмотря на вывод – «принимать проект не следует». Началась его реализация.

Государство пыталось распределять товарные фонды, планируя торговлю. Так Наркомторг / Наркомснаб составлял торговый план, исходя из того, что промышленность выполнит производственное задание на 100%, такое случалось, однако весьма редко. Ни один из планов торговли выполнен не был. В составлении планов доминировала полити-

ка. Так планирование первой пятилетки отличалось особым экстремизмом.

Товар нередко перевозился и отгружался лишь ради выполнения бумажных предписаний. Так сандалии и майки поступали в торговлю в декабре, а ватные пальто и телогрейки – в мае.

Когда в 1940 году на приеме у «отца народов» директор Института философии АН СССР П.Ф. Юдин усердно твердил о преимуществах советской экономики перед капиталистической, то Сталин ответил: «Преимущества, безусловно, есть. Однако почему до нашего прихода на Выборгской электростанции работали хозяин и пять инженеров, а сейчас работают триста человек и нельзя сказать, что тока стало больше?» Наверное, это один из итогов индустриализации.

В отсутствие конкуренции, материальных стимулов к труду и всеядности покупателя брак в производстве товаров достигал огромных размеров. Чтобы переложить ответственность за неудачи в выполнении завышенных планов на инженерно-технических работников, в конце 20-х – начале 30-х годов по всей стране пошли сфабрикованные процессы, подобно «Шахтинскому делу» и «Процессу Промпартии», над бактериологами, руководящими работниками пищевой промышленности, совхозов, наркомата земледелия и т.д.

Поскольку поток осужденных постоянно увеличивался, в начале 30-х годов, была проведена реорганизация исправительно-трудовых учреждений, и создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ), а ужесточение советского законодательства привело 7 августа 1932 года к появлению термина *в законодательном акте* – «враг народа». В декабре того же года в стране был введен, отмененный в 1923 году, паспортный режим. Отдельные категории граждан паспортов не получили вовсе. В марте 1933 года органы ОГПУ получили право расстреливать людей без суда и следствия.

Сегодня мы, люди разных профессий и национальностей можем работать и зарабатывать, создавать новые продукты, оказывать услуги, ездить по миру, не задумываясь сильно над тем, откуда все эти наши права появились. Но история имеет привычку возвращаться, неся угрозы прошлого. На наших глазах ползучая сталинизация оживляет «кремлевское кладбище». Внуки убийц и тиранов подают голос, Политбюро вылезает из нафталина для борьбы с «Антисоветским».

Откуда этот театр абсурда?

История повторяется в виде фарса?

Почему имя параноика оживает на стенах метро?

Как это остановить?

Свободные люди должны знать, как у граждан России было отнято право на свободную жизнь. Как было уничтожено частное предпринимательство 80 лет назад. Как была построена тоталитарная система, подавляющая все свободное.

Мы должны это знать и помнить, чтобы не повторить никогда.

Антон Васильев

Особые отношения

«СОЮЗНИК №1»

Сначала будь, как застенчивая девственница – и противник откроет у себя двери. Потом же будь, как вырвавшийся заяц – и противник не успеет принять мер к защите
Сунь Цзы (VI–V вв. д.н.э.)

*Пусть же Царь наш не боится,
Что на Русь идёт чума:
Наша Русская граница
Есть Китайская земля!*

Казачья песня

Конфуцианство создало китайскую нацию, ее психологию и миропонимание.

Его основу составляла концепция Поднебесной (Тянься). В китайском понимании – это окружающий человека мир и сфера власти императора, Сына Неба, которая выражает ему свою волю. Поднебесная – одновременно и Китайская империя, якобы включающая в себя все земные народы и государства. Отдельные государства, как таковые, не имеют значения, их границы, самостоятельность условны.

Китайский император ответственен за порядок в Поднебесной, и, поскольку он живет в Китае, последний является центром мира и Срединным государством (Чжунго), имеющим самую высокую культуру. Все остальные государства – «варварские». Отсюда все контакты Китая с древности до конца XIX в. с другими странами рассматривались, как отношения с вассалами. Идеи равноправия, суверенитета, независимости других народов и государств для китайцев были абсурдом. Поэтому Китай назывался также Великое государство (Да го) в отличие от «варварских» Малых государств (Сяо го).

Здесь китайское миропонимание сродни античному, эллинскому. Его принято называть этноцентризмом. Конфуцианство разделяло китайцев и другие народы не только в этническом плане, но и в морально-политическом.

Оно провозглашало, что китайцы и «варвары», в принципе, в равной мере «дети Неба», но китайцы обладают особой культурой, суть которой заключается в конфуцианском **ли** – ритуале, или церемонии, причем это **ли** не только разделяет людей по статусу в обществе, но и отделяет китайскую культуру от «варварской».

Китайская Империя видела себя образцом для других народов, обязательным примером для подражания. Она считала, что обладает монополией на истину и знание вообще. Некитайцам, «варварам», истина-де недоступна, поэтому они ничего не могут

Плакат КНР

дать Китаю, который владеет всем необходимым и ни в чем ином не нуждается.

Мало того: конфуцианство издревле стремилось придать китайский вид всему не китайскому, окружающему Поднебесную. Так окитаизировался проникший в Китай из Индии буддизм; затем китайцы уверовали, что истинная христианская религия может существовать лишь в Китае. Правовые, политические, экономические и иные учения, с которыми китайцы ознакомились в конце XIX-начале XX вв., также рассматривались как получившие истинное

толкование лишь в Китае. Как споет в 60-е годы Владимир Высоцкий, «Марксизм для них – азы, ведь Маркс не плыл в Янцзы...»

Внешняя и военная политика Поднебесной на «северном театре», начиная с XVII века, строилась по единой стратегаеме «Пиндин Лоча фанлоэ» – «Стратегические планы усмирения русских». Это – перевод дипломата, поскольку «Лоча» по-китайски значит «бесы», «злобные духи». Но в стратегаеме входили указы императора и донесения из Маньчжурии и Приамурья – стало быть, именно о тамошних «бесах» шла речь...

Русские издревле именовались в Китае «Дальние варвары», «подданные государства Олосы». Один из военачальников династии Цин обогатил стратегаему следующими письмами к императору:

«Ввиду того, что русские с давних пор занимают наши пограничные территории... следовало бы немедленно истребить их. Но Ваше Величество, движимое ко всему живому чувством любви, позволяет им умереть естественной смертью».

«Вследствие того, что мы используем отборное и сильное войско, оружие и снаряжение у нас в отличном состоянии, русские не смогут противостоять нам и вынуждены будут отдать нам земли и явиться с изъявлением покорности».

Все Новые времена династия Цин завоевывала собственно Китай, очень мало интересуясь заграницей. Смыслом жизни китайского императора было «Хорошо смотреть на юг», считавшийся средоточием жизни и прогресса, с севера же, по китайским верованиям, приходила лишь смерть. Никакой инициативы в деле установления контактов с Россией, продвигавшейся в Сибирь, китайцы не проявляли. Русские же активно пытались проторить торговые пути в «Китайское царство».

В конце XVII века при маньчжурском императоре Канси под китайским военным давлением был заключён Нерчинский договор с Россией, по поводу которого китайские сановники писали императору: *«Земли, лежащие на северо-востоке, на пространстве в несколько тысяч ли и никогда ранее не принадлежавшие Китаю, вошли в состав Ваших владений».* За 200 с лишним последующих лет китайцы эти земли так и не освоили, появившись там лишь после казаков, уже живших по обоим берегам Амура.

Первым конфликтом в Приамурье стала осада острога Албазин. Завязка истории криминально – романтична: казачий пятидесятник Никифор Черниговский убил воеводу Илимского острога Обухова за его лихоимства и бежал с отрядом в тайгу. Заняв даурский городок на реке Зее, названный в честь местного князя Албаза, и превратив его в мощный форт, Черниговский был помилован Царём Алексеем Михайловичем, получил 2000 рублей награды и «Печать Великого государя Сибирския земли Албазинского острога». В 1672–1673-м годах из Нерчинска в Албазин были переселены русские

крестьяне семьями, основавшие «правильное земледелие».

Узнав, что местное население по берегу Зее признало русское подданство и платит Москве ясак, Китай объявил район (которым ранее не интересовался) своей исторической территорией и потребовал вывести оттуда все русские силы, угрожая войной. Попутно китайцы выжгли окрестные Долонский, Селемджинский, Зейский и Туганский остроги.

Следуя традициям, Пекин создал повод для начала войны. Император был объявлен миротворцем, «заботящимся о народах Приамурья и усмиряющим «жестоких русских варваров».

Для похода китайцы собрали к 1682-му году 15 тысяч солдат при 150 пушках, треть которых составляли тяжелые осадные орудия. Албазин же обороняли 450 казаков с тремя пушками, которые держались 18 суток, даже после применения «миротворцами» горючей смеси, и отступили из крепости, лишь исчерпав все возможности для обороны, причем захватив с собой пленного китайца.

В 1685 году русский отряд воеводы Власова в 514 человек при шести пушках вторично занял Албазин. Отряды маньчжур, подчиненных Пекину, совершали вылазки на русские слободы вокруг острога, вырезая и уводя в плен население. Власов на их ультиматум ответил: «Един за единого, голова в голову, а назад без указа нейдём».

Власовцы выдержали три штурма, уничтожив более 1500 осаждавших (вместе с небоевыми потери китайцев достигли 2500 человек). 30 августа 1687 года китайцы отступили от русской крепости. По приказу вышестоящего командования отряд Власова организованно ушел из острога и полностью разрушил его. Урок Албазина – невозможность одолеть русских военной силой – в Пекине запомнили надолго.

В 1805 году в Китай отбыла русская миссия сенатора графа Ю.А. Головкина с целью получить у китайцев право судоходства по Амуру. Граф отказался исполнить унижительную церемонию представления китайскому наместнику в Урге (челобитья на коленях), и миссия сорвалась. Одновременно на Западе грянул Аустерлиц – России стало не до отдаленных окраин...

Генерал граф Н.Н. Муравьев-Амурский, «вызнав характер» соседей, пришел к выводу, что китайцы дерзки, когда видят слабость соперника, и делаются робкими и уступчивыми при проявлении силы, энергии и достоинства. Это наблюдение великий русский генерал-губернатор подтвердил «экспериментально», заняв берега Амура силами 500 пехотинцев и нескольких казачьих сотен при 4 орудиях. Река стала границей между империями, ликвидировав политический вакуум: чрезвычайная отдаленность Амура от центральной русской власти создавала потенциальную опасность появления там британского или иного протектората. Благода-

12/2009

ря Муравьеву, Амур впервые с казачьих походов середины XVII века снова стал русской рекой.

Г.И. Невельской в 1850 г. не обнаружил никаких китайских поселений в низовьях Амура и основал там пост Российско-американской компании для торговли с рассеянными на большом пространстве, никому не подвластными жителями. В брошюре же некоего Гу Юня «Неравноправные договоры в новой истории Китая», опубликованной в 1973 г. в Пекине, утверждалось, что в августе 1850 г. «царские агрессоры» захватили в нижнем течении Амура «крупный китайский город Мяоцзе и открыто переименовали его в Николаевск».

По сообщениям генерал-майора К.К. Венцеля, командующего русскими войсками Восточной Сибири, китайцы имели весьма ограниченные сведения о тех местах, и со стороны их управленцев обращалось очень мало внимания на эту часть края, где если и появлялись незначительные китайские чиновники, то, большей частью, для своих выгод.

В 1858-м году Муравьев заключил с китайским князем И Шань Айгуньский трактат, закрепивший за Россией обширные территории по левому берегу Амура от Аргуни до морского устья. Китайцы подписали трактат, «скрипя зубами», и никогда не отказывались от намерения нарушить его в будущем.

В 1860-м году молодой, храбрый и талантливый русский дипломат Н.П. Игнатьев заключил с китайцами Пекинский трактат, ошеломивший не только Россию, но и всю Европу – история его подписания достойна романа! Скажу лишь, что Игнатьев со всего лишь пятью казаками прорвался к побережью сквозь позиции китайской армии и ушел на русском корвете. Договор утвердил за Россией Уссурийский край, давший нашей стране границу с Кореей, удобные гавани и еще неисследованные земельные недра.

Китайские пограничники, в основном, пресекали попытки туземцев перейти на русские земли и получить наше подданство. В 1862-м году китайские войска проникали на киргизские и казахские земли и постоянно передвигали линию границы вглубь их земель. Россия начала мобилизацию в приграничной зоне. Весной того же года между русскими и китайцами произошли стычки. Среди казахов и киргизов китайцы распространяли антирусские подстрекательские настроения.

1-я статья Айгуньского трактата 1858 г. утверждала за Россией право свободного плавания по реке Сунгари, а II-я – право торговли по обоим ее берегам. IV-я статья Пекинского договора и XVIII-я договора Петербургского 1881-го года (см. ниже) эти права закрепляли.

Но одно дело – заключить с китайцами договор, и другое – добиться его выполнения. Русские действовали гораздо мягче англичан и французов, применявших пушки для лучшей ратификации соглашений. Когда наши торговые корабли начали в 1864-м году ходить вверх по Сунгари, китайские власти приказали подданным не продавать русским

даже еду; то же было и с экспедицией 1866-го года. Генерал-адъютант Соколов ничего не добился от китайцев, даже имея Высочайшее повеление. В то же время китайские купцы имели лавки по всему Приморью, Амуру и Забайкалью, проникая даже на Волгу и *не платя гильдейских пошлин в ущерб нашему купечеству!*

С весны 1862 г. власти китайской провинции Синьцзян на всем пространстве будущей границы распространяли в казахских и киргизских кочевьях прокламации с антирусскими призывами, вкапывали на русской территории каменные плиты и доски с надписями на китайском языке, «доказывающие» принадлежность этих земель Китаю в прошлом и т.п.

За год до того манапы и бии (знать и старейшины) киргизского племени бугу – Сарпек Саскин, Кныч Буромбаев, Канай Койсомасов и еще 11 человек обратились к Начальнику Алатавского округа и киргизов Большой орды полковнику Г.А. Колпаковскому с просьбой оградить их земли и их самих от притеснений со стороны чиновников Синьцзяна.

«Еще до поступления нашего на подданство России, – писали манапы и бии в своем обращении, – мы владели землями по Текесу, Музорату и Кегену, считая их своею собственностью, но вследствие обид и притеснений со стороны Китайцев и других народов, вынуждены были принять подданство, повергнув к престолу великого падишаха русского и свои земли по сказанным урочищам. Желая оградить себя на будущее время от подобных обид и удерживать за собою навсегда право владеть этими землями мы, с общего согласия бугинского народа, убедительно просим вас довести об этих несправедливых притязаниях Китайцев на наши земли до сведения генерал-губернатора, который, мы надеемся, воспретит Китайцам притеснять нас и даст нам возможность кочевать свободно на этих землях».

Когда в 1864-65 гг. в Джунгарии и Кашгаре вспыхнули мощные антикитайские восстания, приведшие к образованию Восточного Туркестана (Джеты-Шаара), китайцы в общении с русскими дипломатами вновь стали вежливы до заискивания. Россию стали просить... провести карательную операцию против восставших народов. При подавлении восстаний китайские солдаты убивали местных жителей без различия пола и возраста – всего более ста тысяч человек за два года!

После окончания «антитеррористической операции» Китай вновь предложил России вывести ее войска из Илийского края...

В результате 7-месячных переговоров Россия (уже отправившая на Дальний Восток эскадру адмирала Лесовского) вернула Китаю восточную часть Илийского края, оставив за собой западную, куда иммигрировало 70 000 уйгуров, дунган и казахов. Китайцы требовали возвращения им области Кульджа, грозя войной в случае отказа. По Ливадийскому трактату 1879-го года часть области с

Музартским проходом осталась в русских руках. Китайцы отказались ратифицировать соглашение и, позднее, по Петербургскому договору 1881-го года, «русские варвары» передали Кульджу «несправедливо обиженному» Китаю. Еще 50 000 таранчей и дунган перебежало в Россию.

В 1885–1886 гг. Китай предъявил России требование отказаться от приграничного с Кореей края в Южном Приморье и уступить залив Посыет. Весной 1893 г. китайские отряды проникали в Россию, не признавая соглашения по Памиру, передавшего России участок протяженностью 295 верст, и вели перестрелки с пограничниками Памирского отряда.

В те же годы китайцы приступили к активному заселению своими подданными пустынных районов на севере империи, граничащих с Россией, и направили в Маньчжурию 50-тысячный корпус отборных войск.

Южное Приморье уже в конце XIX века было наводнено выходцами из Китая, которые не признавали русской власти, не платили податей, не несли повинностей, расхищали богатства края. Они управлялись китайскими старшинами, образуя на русской земле «status in statu» – «государство в государстве». Все тамошние аборигены, гольды и орочоны (тазы) находились у китайцев в кабале, считая именно их господами, а русских – невесть откуда взявшимися пришельцами.

А кроме того, русским угрожали маньчжурские бандиты и браконьеры – хунхузы, нарушавшие нашу границу отрядами в несколько сот человек для хищнической добычи золота, женьшеня, пушнины, а в море – трепангов, морской капусты и пр. Во Владивостоке хунхузы похищали людей до 30-х гг. XX века.

До конца XIX века Поднебесная не желала видеть Россию ни партнером, ни союзником. Россия не участвовала в «опиумных войнах» европейских держав против Китая, хотя могла бы усилить таким образом свои позиции на Дальнем Востоке. Адмирал Е. Путятин даже предлагал Китаю помощь оружием и русскими инструкторами – безуспешно...

К лету 1900-го г., в разгар строительства КВЖД, в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней (боксеров, или длинных кулаков). Охрана и служащие дороги героически защищали объекты стройки, но китайские толпы отбить не удалось: около 80% дорожной линии было захвачено и подверглись полному разгрому. Из уложенного рельсового пути в 1300 верст уцелело менее одной трети – 400 верст, почти все станционные постройки и жилые помещения были сожжены.

В мае 1901-го ихэтуани сожгли храм и школу русской православной миссии на севере Китая, священник чудом спасся и бежал в Россию. 14 мая того же года было сожжено здание Русской Православной Миссии в Бэйгуане. Николай II в связи с русскими погромами направлял в Китай всё больше войск.

Китайские красноармейцы

После того, как «длинных кулаков» официально поддержала императрица Цы Си, 22 июня в Приморском военном округе была объявлена мобилизация 12 000 солдат. Их усилило Уссурийское казачье войско под командованием генерал-губернатора Николая Чичагова.

В ночь с 23 на 24 июня 1900 года по всей столице Китая началась резня христиан, названная «Варфоломеевской ночью в Пекине». 26 июня англо-американские войска потерпели поражение при Тан-Те, причем «боксеры» неплохо наживались, сдавая командованию отрезанные головы союзных солдат. 9 июля в Тайюане в присутствии местного губернатора Ю Шина были обезглавлены 45 английских миссионеров, католиков и протестантов, в том числе женщин и детей.

14 июля Благовещенск попал под китайский артиллерийский обстрел. Наши войска пересекли границу, подавили огневые точки врага и взяли крепость Хуньчунь. В Благовещенске и Владивостоке началось формирование отрядов добровольцев для защиты границы от «разбойничьих и мятежных шаек». 26 июля русские и японцы взяли Инкоу.

28 июля китайцы вновь обстреляли Благовещенск, а вскоре ихэтуанями был атакован Хайлар. 2 августа наши контратаковали и снова перешли границу, деблокировав Харбин. 3 августа началось общее наступление союзных сил, были подавлены китайские батареи, бывшие по Благовещенску. В тот же день войска Великобритании и США, России и Франции двинулись к Пекину.

15 августа русские солдаты и казаки выбили ихэтуаней с перевала Малый Хинган в Маньчжурии. 16 августа большая часть Пекина сдалась, однако ихэтуаня атаковали в Маньчжурии, вновь подойдя к Благовещенску. 28 августа союзные войска взяли штурмом императорский дворец.

Тем временем бои на севере Маньчжурии продолжались. Наши войска заняли правый берег Амура и очистили его не только от повстанцев, но и от китайцев вообще.

В 1902 году Россия и Китай подписали договор, по которому русские оставляли Маньчжурию, а Китай соблюдал условия перемирия. Россия вклю-

12/2009

чила в свой состав Ляодунский полуостров и часть КВЖД, ведущую к Порт-Артуру.

Но после революции 1905 года Россия ослабла, и Китай сразу активизировался на монгольском направлении, заменив пограничные монгольские отряды на маньчжуро-китайские, введя в Ургу и другие города свои части гарнизонами. Внутреннюю Монголию китайцы видели плацдармом для наступления на север. Князья дома Цин готовили заселение Халха-Монголии китайскими колонистами, с отчуждением монгольских земель под пашни для них.

28 июля 1911 года в Урге монгольские князья и ламы решили порвать все отношения с Китаем и просить покровительства России. Это почти совпало с Синьхайской революцией и падением дома Цин. Однако, новый режим Юань Ши Кая также считал Монголию частью Китая, а ее народ – своими подданными, и в ноябре 12-го года двинул из Синьцзяна к монгольской границе корпус, остановленный лишь Россией, Японией и Англией, вместе взятыми...

До 1917-го года Россия обеспечивала на своем юго-востоке стратегический паритет в ответ на выдвливание Китаем русской торговли из Монголии.

Большевики, узурпировав власть, сразу же сдали русские позиции – не только в Бресте, но и на востоке. В июле 1918-го Я.Д. Янсен, прося китайской помощи против Белых и чехословаков, заверил консула Вэй Бо о признании Монголии китайской сферой влияния. Китай объявил ее и Урянхайский край обычными провинциями.

Уже в 1917 году в бой за красных пошел китайский батальон под командованием Са Фуяна.

В начале 1918 года был создан штаб китайских отрядов в РСФСР. С весны 1918 года на Северном Кавказе орудовал батальон Пау Тисана. В 1918 году батальон под командованием Жен Фучена вел бои на Урале и позже – в частях Блюхера. В январе-августе 1919 года было сформировано 8 китайских отрядов (в т.ч. Образцовый Китайский Полк), в составе 3-й, 4-й и 5-й армий Восточного фронта, 10-й, 11-й и 12-й армий Южного фронта, 6-й и 7-й армий на Севере. Китайцы были в 25-й дивизии Чапаева.

В Петербурге старики, пережившие красный террор, рассказывали, что в конце 17-го года Бухарин приказал расстрелять во дворе Петропавловки детей из семей Великих Князей. Русские красноармейцы отказались это делать. Тогда приказ отдали китайским красноармейцам из числа лесорубов, валивших лес в Финляндии.

На следующий день семья рассказчиков обедала вместе с семейным врачом. Когда повар подал мясо, доктор подержал во рту первый кусок и сказал, что не будет это есть, потому что мясо – человеческое. Вызванный с кухни повар сообщил, что купил мясо у китайского красноармейца на Сытном рынке (ря-

дом с Петропавловкой). **КРАСНЫЕ КИТАЙЦЫ ПУСКАЛИ РОМАНОВЫХ НА КОТЛЕТЫ?!**

Можно счесть это слухами. Но тогда пересказы слухов – и «Окаянные дни» Бунина, и мемуары Гишпиус, и «Архипелаг ГУЛАГ».

«Конница гнала большевиков, не останавливаясь, и вдруг затопталась в беспорядке на месте. Она наткнулась на батальон китайцев. Китайцы встретили нашу кавалерию залпами с колена. Отчаянные потери. Едва ли не четверть всадников переранена и перебита. Смертельно ранен в живот ротмистр Михайловский. Быстрая атака пеших разведчиков и 1-го батальона опрокинула китайцев. Человек триста захватили в плен. У многих были на пальцах золотые обручальные кольца с расстрелянных, в карманах портсигары и часы, тоже с расстрелянных. Азиатские палачи Чека, с их крысиной вонью, со сбитыми в черный войлок волосами, с плоскими темными лицами, ожесточили наших. Все триста китайцев были расстреляны.» Генерал А.В. Туркул, «Дроздовцы в огне».

Всего в Красную Армию в те годы вступило около 300 тысяч иностранцев-можно смело говорить о крупномасштабной интервенции против России. Китайцем был примерно каждый шестой.

В Китае свобода выбора для индивида весьма ограничена либо отсутствует. Говоря попросту, в Совдепии рядовой китаец и не подумал бы о вступлении в Красную Армию, не имея на то указания главы своего родственного или земляческого клана, который, в свою очередь, не мог не советоваться по такому важнейшему вопросу с руководителями всей китайской общины в России.

Так зачем хлынули такой ордой в Красную Армию? «Чтобы с боем взять Приморье»? Или земли попросторнее?

31 мая 1924 года СССР отказался от каких-либо прав и привилегий на КВЖД, оставив ее в совместном владении. Кроме того, советские власти «подарили» Китаю контрибуцию за «боксерское восстание» 1900-го года в сумме около 100 млн рублей. (В СССР лишь за год до того кончился массовый голод). Как же! Ведь в Гоминьдан вошли коммунисты! Ну как не порадовать родному человечку!

Благодарные китайцы в 1927-м году разгромили посольство СССР в Пекине, а в 1929-м вторглись в здание генконсульства СССР в Харбине, где избили вице-консула Знаменского. Китайские газеты пестрели лозунгами «Возвращение КВЖД – общенародное требование» и «Не возвратим КВЖД – не сможем упразднить неравные договоры!» Китайский министр Ван Чжэнтин в беседе с советником германской миссии в Китае заявил, что «Китай ни в каком случае не согласится на восстановление статус-кво на КВЖД. Китай не вернёт КВЖД и речь может идти только о каком-то удовлетворении финансовых интересов СССР».

Я далек от защиты СССР, я утверждаю иное: соседу издревле было безразлично, «какое, ми-

лые, у нас тысячелетие на дворе», какая власть в России и в Китае.

Русский персонал КВЖД был жестоко репрессирован. Почти ежедневно в Харбине и на линии обнаруживали обезглавленные трупы граждан СССР и белых эмигрантов. В Цицикаре русских расстреливали. Сосредоточенные у советской границы китайские войска с июля по начало ноября 1929 года произвели 245 обстрелов и совершили 42 нападения. Чтобы подписать 22 декабря Хабаровский протокол, восстанавливающий прежнее положение, китайцам пришлось потерять 1500 человек убитыми и 8300 пленными в боях с Чуйковым и Блюхером.

Но с сентября 1937-го по июнь 1941-го СССР передал союзнику (тогда еще Чан Кай Ши), 1235 самолетов, 1600 орудий, около 2 млн. снарядов. Китайцев учили воевать высшие советские офицеры, в том числе полковник Андрей Андреевич Власов. Около 1000 советских военных погибло.

А затем СССР сделал ставку на Мао Цзэдуна и компартию Китая.

С декабря 1946-го по январь 1947-го поставки из СССР для Мао составили 151 миллион рублей, в 1948-м – 335 млн, в 1949-м – 420 млн. руб. Только в 48-м братьям по классу отправили 3500 грузовиков и 24000 тонн бензина, причем китайцы попросили еще 5000 грузовиков и 100000 тонн горючего по принципу «Дядя, дай закурить, а то так есть хочется, аж ночевать негде». В наших колхозах бабы пахали на себе, а всю жестяную посуду в стране делали из американских консервных банок...

Помощь из СССР стала основным фактором вытеснения Чан Кай Ши на Тайвань. Громить вчерашнего союзника помогали 915 генералов и офицеров Советской Армии. Красному Китаю был выдан кредит в 300 млн. долларов США – под 1% годовых!

В 1949-50 гг. китайцы запросили из СССР военной техники и снаряжения на сумму в 320 млн. руб. Советская сторона предоставила скидки от 25 до 60%, и фактическая сумма поставок дошла до 410 млн. руб. Во время визита Мао в Москву было оговорено, что СССР сверх того поставит около 200 бомбардировщиков и 280 истребителей, а в день отъезда Мао запросил еще 628 боевых самолетов – по вышеупомянутому принципу...

В 1950-м СССР передал Китаю КЧЖД (быв. КВЖД) со всеми объектами, а в 1955-м – залитый русской кровью Порт-Артур и порт Дальний. Это – не считая поставок советского оружия на сумму 1 миллиард 250 миллионов долларов.

Для оккупации Тибета СССР предоставил КНР самые мощные 4-моторные самолеты, способные брать целые десантные отряды. Сталин сказал Мао: «Тибетцев надо взять в руки!»

К началу Корейской войны китайская армия НОАК напоминала огромный махновский отряд.

СССР полностью вооружил 60 китайских дивизий, поставив до конца войны около 2000 современных самолетов, включая реактивные бомбардировщики Ил-28.

На апрель 1956 г. СССР помог восстановить и построить 213 китайских заводов, 81 из которых был чисто военным.

В 1958 году в КНР прибыли 111 советских ученых-ядерщиков, которые должны были передать китайцам модель атомной бомбы и технологии ее изготовления (у Хрущева хватило ума передумать). Но ракеты, способные нести ядерный заряд, Китай получил.

ТАК ВООРУЖАЮТ ТОЛЬКО ДРУЗЕЙ, ГОТОВЫХ ОТДАТЬ ЗА ВАС ЖИЗНЬ.

10 июля 1964 года председатель Мао беседовал с японскими социалистами и на вопрос о его отношении к проблеме Курил ответил так: северный сосед отрезал от Китая земли к востоку от Байкала и полуостров Камчатку, счет к нему не погашен, а японские претензии по Курилам Китай полностью подерживает...

*Зимою река Уссури молчалива,
Сменяется молча наряд.
Еще не улегся от вражьего взрыва
Взлетевший с земли снегопад.
...Здесь остров Даманский положен, как мина,
Чтоб враг не посмел наступить...
(В. Харитонов).*

Эту статью можно было бы писать еще долго. Я помню, что, хотя СССР нес в Афганистан социализм, афганские моджахеды были на 90% вооружены именно китайским оружием... Но мой девиз в публицистике – «Имеющий глаза да увидит».

Читатель, уверен, и сам поймет, что у нас с этой страной – *особые отношения.*

Использованные источники:

1. *Климов Григорий.* Берлинский Кремль // «Посев», №4(191), 22 января 1950 г.
2. *Рябченко Н.П.* КНР–СССР: годы конфронтации (1969–1982).: Владивосток, Дальнаука, 2006. – 159 с.
3. Общество и государство в Китае: 35 научных конференций./ [Составитель и ответственный редактор Н.П. Свистунова] М.: Восточная литература, 2005.
4. Документы внешней политики СССР. Т.12. М., 1967. – С.443
5. *Яичевецкий Д.Г.* Русские штурмуют Пекин. М.: Яуза ЭКСМО, 2008. – 635 с.
6. Русско-китайские договорные правовые акты (1689-1916): Сборник под общ. ред. В.С. Мясникова; [Сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников] М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 694 с.
7. Русско-китайские отношения в XX веке: Мат. и док. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
8. *Самохин А.В.* Дальневосточная политика Сталина. Китай в военно-политическом противостоянии СССР и США. 1945–1953 гг. – Хабаровск, «Частная коллекция», 2007.
9. *Зазерская Т.Г.* Советские специалисты и формирование ВПК Китая (1949–1960 гг.). – СПб. НИИХ СПбГУ. – 210 с.
10. *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. – М.: ООО «Издат. АСТРЕЛЬ»: АСТ, 2004.
11. *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. – Л.: Ингрия, 1991. – 288 с.: ил.

А.И. Кругов, М.В. Нечитайлов

Поляки в Кавказской войне 1817–1864 гг.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Нельзя отрицать того, что достаточное число уроженцев Княжества Варшавского, а потом и Царства Польского верно служило России. В том числе и являясь проводниками ее политики на Кавказе.

Из исторических хроник XIX века.

Общественно-политический журнал «Посев» регулярно знакомит своих читателей с малоизвестными страницами российской истории. Учитывая, что отношения между Россией и Польшей, особенно в последние годы журнал посвящает много своих страниц, знакомя читателей с интервью, мнениями, историей, мы решили предложить вниманию малоизвестные страницы совместной истории в нашем Северо-Кавказском регионе.

Деятнадцатый век стал периодом, когда судьбы Кавказа и Польши причудливо переплелись в истории Российской империи. Сначала здесь появились около 10 тыс. польско-литовских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе войны с императором Наполеоном. Они стали первой волной массовой миграции поляков на Северный Кавказ (1812–1814 гг.). Большинство пленных затем вернулось на родину, но часть их осталась на Кавказе, приняв российское подданство¹. К середине 1820-х гг., отмечал ветеран Кавказского корпуса, «поляков тогда у нас служило мало и то офицерами»². Однако, после «усмирения польского мятежа в 1831 году»³ остатки хорошо организованных полков польских войск были сосланы в отдельный Кавказский корпус и по его полкам распределены⁴, чтобы участвовать в войне против горцев⁵.

Поляки причислялись как к регулярным, так и к казачьим полкам, постоянно нуждавшимся в людях. Так, в ноябре 1833 г. новочеркасский полицмейстер сообщил в Ставропольское полицейское управление: «Нижних чинов бывшей Польской армии Шимон Цылельский, Антон Расподельский, Антон Свербило, Иаков Гваздицкий, прибывших сюда в город Новочеркасск из Киева... следующих в Кавказские линейные казачьи полки я вместе с сим отправил их посредством Внутренней стражи с кормовыми их деньгами до города Ставрополя и ... прошу Ставропольское городское управление чинов сих по принятии их в Ставрополе представить к командиру войсками на Кавказской линии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову и мне о том доложить»⁶. В большинстве случаев это были люди бедные, «без всяких посторонних средств к существованию»⁷. Однако, Кавказ был регионом, где продвижение по службе происходило быстрее

всего, а следовательно, и быстрее всего появлялась возможность отставки и возвращения на родину⁸.

Согласно польским и другим источникам, общее количество ссыльных доходило до 10 тыс. чел.⁹ Так, по подсчетам В.Н. Ракачева, в 1831 г. в Кавказский корпус попало 1865 поляков, в 1832 г. – еще 8091, в 1834 г. – 2600, в 1835–1843 гг. – 9600 чел.¹⁰ Кроме того, на Кавказ были отправлены студенты-поляки Киевского и Виленского университетов «за участие в одном из заговоров, которые так часто открывались в этом крае». После суда над членами студенческой организации «Млада Польша» («Содружество польского народа») в январе 1839 г., более 20 студентов Виленской Медико-хирургической академии были сосланы на Кавказ¹¹.

В конце 1832 г. Николай I даже намеревался сформировать в Навагинском пехотном полку три батальона (около 2000 чел.) из пленных поляков. Однако, барон Г.В. Розен, командующий Отдельным Кавказским корпусом, возразил против царского предложения. Такое скопление поляков было, по его мнению, опасно¹².

После того, как рекрутская повинность была распространена на Царство Польское (1834 г.), в Отдельный Кавказский корпус направлялись большие партии рекрутов¹³. Например, в один из линейных батальонов (1835 г.) «однажды более 400 человек враз прибыло их... и притом многие из них до того служили в «польской армии» и не скрывали своего нежелания служить в русских войсках¹⁴. Основная масса польских военнослужащих была людьми верующими. Необходимо было удовлетворять их духовные потребности. Поэтому генерал-майор Н.Н. Раевский, начальник Черноморской береговой линии, назначил капеллана с причетником «для объезда укреплений с совершением духовных треб среди солдат и офицеров римско-католического вероисповедания»¹⁵.

По мнению польских исследователей, русское правительство преследовало две цели: поляки воевали *в составе* русской армии, а не *против* нее, а во время очередного мятежа польские солдаты, находясь далеко от родины, не имели бы возможности присоединиться к повстанцам в Польше¹⁶. Польские военнослужащие ставили идею возрождения Польши выше присяги императору. Невзирая на

угрозу расстрела, они, не желая погибать за чуждые им интересы, искали удобного случая для того, чтобы сбежать¹⁷. По свидетельству К. Оммер д'Эль, «русское правительство имело оплошность послать на Кубань большую часть полков», где служили поляки¹⁸. Некоторые историки создали романтическую легенду массового дезертирства поляков на сторону горцев и их борьбы в отрядах мусульман Кавказа (у Шамиля и на Черноморском побережье). Действительность оказалась несколько иной. Безусловно, многие польские военнослужащие перебежали на сторону горцев. Точную цифру назвать невозможно, но она была достаточно велика. Бывали случаи, когда горцы выдавали их обратно, но чаще всего беглецы оказывались на невольничьих рынках. Там их просто продавали в рабство те самые горцы (не только «адыгская феодальная верхушка протурецкой ориентации»)¹⁹, к которым они наивно стремились²⁰. «На берегу моря, как говорили мне убыхи, – отмечал Ф.Ф. Торнау (1838 г.), – проживает много беглых поляков, которых число увеличилось до того, что хозяева их, продавая, не ценят более, как в одну лошадь, а иногда за доброго коня не отказываются заплатить двумя поляками. Продаются поляков и в Турцию, где султан их набирает для полевых работ»²¹. Английский эmissар Д. Лонгуорт тогда же жаловался, что черкесы не делают различий между дезертирами поляками и русскими, продавая всех в турецкое рабство, «хотя по предложению мистера Уркхарта вожди и старейшины должны были позаботиться об улучшении условий их содержания и обращаться с ними (поляками – *Авт.*) как со своими природными рабами». «Я сомневаюсь, однако, – подчеркивал Лонгуорт, – чтобы эти различия соблюдались хоть в какой-то степени... хотя они все при сдаче в плен называют себя поляками... Это правда, что поляков продают туркам так же, как и русских, и один польский офицер, работавший в Ангоре, сказал мне, что он нашел по меньшей мере 800 своих соотечественников, пребывающих в рабстве в одном только этом пашалыке»²². Несколько сотен поляков-дезертиров, однако, оставались жить среди черкесов²³, хотя и зачастую на положении домашних рабов. Например, 12 беглых поляков в 1813 году «встретились с черкесами, которым они представились как французы. Те пригласили их в свои жилища... но... когда поляки пожелали снова отправиться в путь, каждый из них был задержан тем, у кого он гостил, с объяснением, что он более не свободен, но что в качестве их братьев они могут воспользоваться первым же случаем для продажи их торговцам, которые пристают к этим беглецам»²⁴.

«Но, – отмечает Ф. Щербина, – все вообще, как дезертиры, так тем более пленные, тяготились своим положением. Сами черкесы жили бедно и им нечем было содержать пленных. Кормили черкесы очень скудно и плохо, а работы взваливали

на пленников тяжелые»²⁵. Ф. Дюбуа де Монперэ приводит пример группы дезертиров (60 чел., в основном поляки), бежавших к черкесам. Шестеро из них вернулись добровольно, «считая, что их несчастья в Геленджике лучше, чем то, что они вытерпели у черкесов, которые обращались с ними, как с заключенными»²⁶. В плену у Шамиля некоторым полякам приходилось еще хуже. Их бросали в яму, которая «над выходом имела глубину человеческого роста, ширину 4-5 шагов в диаметре. Подстилкой на влажной земле – полугнилая солома... Надзиратель ямы... ежедневно приносил нам пищу из нескольких хинкали и и кувшина воды. Иногда разрешал выглянуть наверх на несколько минут... Иногда прохожие бросали нам куски сухого хлеба»²⁷. Что касается цен на польских рабов на невольничьих рынках, точных сведений нет, но, если верить Т. Лапинскому, «раб, годный для военной службы, стоит обыкновенно 200 рублей»²⁸.

Раевский доносил командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту Е.А. Голловину (8 апреля 1838 г.): «Уже до меня дошли следующие сведения, которые заслуживают внимания. Ныне Англичане ласково принимают наших беглых, в особенности поляков, стараясь вооружить их против нас; старание до сих пор неуспешное: беглые, большею частью, обращались в рабов, продавались в Трепизонд, где откупщики медных руд покупали их для работ; но с построением новых крепостей и с большею бдительностью крейсеров, вывоз стал затруднителен, в горах цена на рабов упадет, и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходило до нашей цепи стрелков крики на Польском языке: «цельте в черных», подразумевая под этим наших офицеров»²⁹.

Есть и другое свидетельство. При нападении горцев на станицу Темнолесскую в ноябре 1835 г., очевидцу запомнилась «русская речь» одного из горцев. «Может быть, – полагал он, – это был беглый солдат из поляков, бежавший в горы очень давно. Тогда поляки часто убегали»³⁰.

Польский беглец из Сибири, поручик Якубович, приняв ислам (и имя Якуб-хан), «завел у черкесов лабораторию, в которой изготовлял для горцев порох и другие военные припасы», но был убит за Кубанью³¹. Русские источники сохранили любопытный аспект польско-горского сотрудничества – попытки поляков модифицировать оружие горцев, тогда планировавших атаки на русские форты Восточного побережья Черного моря. В своем рапорте военному министру от 7 апреля 1840 г. генерал-лейтенант П.Х. Граббе сообщал: «Поляки ввели среди горцев и новое в этой местности оружие – длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а ... к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верки.... Они производят съемки атакуемых мест, подают нужные советы для организа-

12/2009

ции обороны, а при штурме идут всегда в голове колонны»³².

В архиве Розена сохранилась копия письма поляка Броневица, бежавшего в самом начале 1830-х гг. к Гамзат-беку, будущему второму имаму Дагестана. Броневиц пишет (адресат письма неизвестен) о своем пребывании у Гамзат-бека в селении Нацотль: он жил у Гамзата, как сын (!), участвовал в его походах, принуждая горские аулы к покорности. Броневиц сообщает, что он был отправлен от Гамзат-бека в Турцию, очевидно с каким-то поручением, но по дороге его ограбили и чуть не убили³³. Другой польский ссыльный, Кароль Калиновский, попав в плен, оказался в составе «Шамилевской команды», набранной из дезертиров или плененных (1840-е гг.)³⁴. Хотя сообщения о «Польской сотне» в армии Шамиля принадлежат к жанру апокрифов, источники еще в 1854 г. отмечают, что в резиденции имама, Ведено, «находится до 340 иностранцев, большую часть из поляков»³⁵. Шамиль использовал поляков для налаживания связей с их соотечественниками, верно служившими России. В 1852 г. имам рассылал неких поляков в качестве своих эмиссаров с прокламациями (на двух языках) и медалями для польских офицеров и солдат русских войск, поощряя их к дезертирству и заявляя, что они пользуются поддержкой Франции. Но их деятельность не возымела никакого практического результата³⁶.

Однако, немало поляков верно служили России, являлись проводниками ее политики на Кавказе³⁷. Были и те, кто успешно делал здесь карьеру³⁸. Конечно, согласно Высочайшему повелению (в циркуляре управляющего МВД от 27 июля 1841 г.), к ссыльным полякам, как и к русским, применялись особые правила чиновпроизводства – поскольку получение первого же офицерского звания позволяло подать в отставку. «Как высланные во внутренние Губернии на службу лица из Польских уроженцев, принадлежащие к тайным обществам, выходят из обыкновенного ряда чиновников, то они не должны быть в производстве подводимы под общие правила, но о каждом из них должно испрашивать особое ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение» при представлении к первому обер-офицерскому чину³⁹. Но, с другой стороны – «чтобы Польские уроженцы, – к производству коих в чине, после уже высылки их, за принадлежность к тайным обществам, во внутренние Губернии, было испрошено однажды особое ВЫСОЧАЙШЕЕ разрешение, – производились в следующие чины обыкновенным порядком»⁴⁰.

По мнению Г.И. Филиппсона, «между поляками было много отличных офицеров и солдат, столько же, как и между другими национальностями; но они были заметнее других, потому что их положение придавало им особенную оригинальность»⁴¹. Вот точка зрения другого кавказского офицера: **«Поляк, в свою очередь, дает превосходных**

офицеров и солдат, достойных сподвижников русских»⁴². «Нижние чины из поляков отличались особенно примерным усердием», – признавалось в официальном документе⁴³. И не только солдаты. В Ставропольском краевом архиве сохранился любопытный документ. Он доказывает, что по окончании военной карьеры польские военнослужащие могли продолжать службу в рядах кавказской полиции. Перечисленные в списке 13 поляков-полицейских Станислав Орловский, Антон Кшецкий и Францишек Зайковский **«на службе при сем управлении более восьми лет при хорошем их поведении всегда исполняли долг службы со всею точностью и никогда в пьянстве и других дурных поступках не замечены»**. «За усердную их службу и хорошее поведение» они были награждены унтер-офицерскими званиями. Из остальных, В. Коза, И. Залевский, Ф. Зайковский, В. Казакевич, Я. Кошмарчук, А. Ежка, У. Адамович и К. Славянский были уволены в бессрочный отпуск. Прочие поляки были оставлены на службе до истечения 25-летнего срока⁴⁴.

В Ставрополе (1845 г.) был построен католический костел, в ограде которого нашли последний приют многие достойные граждане⁴⁵. Отметим и тот факт, что хутор Польский был основан в 1834 г. именно поляками, сосланными на Кавказ за участие в восстании 1830–1831 гг.⁴⁶ Поэтому польские военнопленные оставили свой след не только в истории, но и на картах, в топонимике Ставрополя и Северного Кавказа⁴⁷.

Поляки проявили себя в Кавказской войне. Несмотря на неудачи в налаживании тесных контактов с Черкесией и с Шамилем, они оказывали посильную помощь горцам. Однако, нет оснований всерьез утверждать, что дезертирство поляков явилось существенным вкладом в борьбу с самодержавием (т.е. Россией) и его колониальной политикой (т.е. отражением набегов горцев)⁴⁸. Безусловно, некоторые поляки при первой же возможности бежали из рядов армии в горы, становясь на сторону противника Империи. Так история и политика иногда ставили поляков по обе стороны Кавказской войны и на каждой стороне они играли не последнюю роль, отличаясь и героизмом, и свободолюбием. Вот такие факты из одной из трагических но и героических (а эти слова очень часто стоят в одном контексте) страниц истории мы предлагаем вашему вниманию

Почему именно сегодня захотелось рассказать об этой странице нашей совместной истории? Думаем, что, отвечая на предложение Президента Д.А. Медведева, нам нужно знать все страницы истории нашей Родины и анализировать их, дабы не повторять трагических ошибок. Только дружба и взаимовыгодное плодотворное сотрудничество с народами, исконно живущими в непосредствен-

ном соседстве с Россией, и связанными с нею общей историей и судьбой может привести к процветанию и России и мира. Так давайте дружить и сотрудничать, помня об ошибках наших предков, дающих нам ценные уроки, которые надо пройти и знать.

- ¹ Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (конец XVIII – начало XXI в.). М., 2006. С. 77; Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Военнопленные поляки армии Наполеона на Северном Кавказе (1812-1824 гг.) // Российско-польский альманах. Вып. 1. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. С. 81-96; Поляки на Кавказе в 1814-1854 годах: документы / Вступ. ст. и публ. М.В. Нечитайлова // Российско-польский исторический альманах. Вып. 2. Ставрополь; Волгоград, 2007. С. 268 сл.; Скворцов-Кавказский А. Пленные из армий Наполеона на Северном Кавказе // Ставрополье. 1991. № 4. С. 91-100; Krugov A.I., Nieczitailow M.W. Polacy na Kaukazie Polnosnym // Wiadomosci Historyczne. 2006. № 1. S. 4.
- ² Андреев В. Воспоминания из кавказской старины // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 21.
- ³ Киняпина Н.С. Внешняя политика России 1-й половины XIX в. М., 1963. С. 159-170.
- ⁴ Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: Библиографические очерки. Ставрополь, 2004. С. 26.
- ⁵ Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год // Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879. С. 4. В июне 1832 г. было дозволено вернуться на родину тем высланным из Польши уроженцам Царства Польского, «кои во время прибытия их равно и во все время жительства в России оказались вовсе не подозрительными» (ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 2969. Л. 3 об.).
- ⁶ ГАСК. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3395. Л. 1.
- ⁷ Агапова Т.И., Серова М.И. Декабристы на Кубани. Краснодар, 1975. С. 18.
- ⁸ Сливовска В. Составление «Словаря польских ссыльных первой половины XIX в.» и компьютерной базы данных о польских ссыльных – участниках восстания 1863 г. в Институте истории Польской академии наук // Польская ссылка в России XIX-XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 17.
- ⁹ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 75.
- ¹⁰ Ракачев В.Н. Поляки на Кубани: демографический аспект // Поляки в России XVII-XX веков. Краснодар, 2003. С. 281.
- ¹¹ Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30-60 годы XIX века. М., 1962. С. 110, 382.
- ¹² Маркова О.П. Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов прошлого века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 235.
- ¹³ Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996. С. 131.
- ¹⁴ Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1726-1875 гг. // Кубанский сборник. Т. XII. Екатеринодар, 1906. С. 160.
- ¹⁵ Санеев С.А. «Век служи, Раевский, с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет» // ВИЖ. 2004. № 6. С. 72.
- ¹⁶ Порада А.М. Поляки на Кавказе // Российско-польский альманах. Вып. 1. Ставрополь; Волгоград; Пятигорск, 2006. С. 17.
- ¹⁷ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 339.
- ¹⁸ Hommaire de Hell. Etudes sur la Circassie. Situation des Russes dans le Caucase // Revue de l'Orient. 1843. Т. 1. P. 272.
- ¹⁹ Бижев А.Х. Из истории формирования оппозиций политики царизма в русской армии и в среде польских ссыльных на Северном Кавказе в 30-40 гг. XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991. С. 135.
- ²⁰ Такстгаузен Ф., фон. Закавказский край. Ч. I. СПб., 1857. С. 83.
- ²¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 479.
- ²² Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 172.
- ²³ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 42.
- ²⁴ Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1. Нальчик, 2002. С. 26-27.
- ²⁵ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 526-527.
- ²⁶ Тэбу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму... С. 96.
- ²⁷ Гаджиев Б.И. Поляки в Дагестане. Махачкала, 2005. С. 24-26.
- ²⁸ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 106.
- ²⁹ Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910. С. 662.
- ³⁰ Яковлев И. Нападение горцев на ст. Темнолесскую. По воспоминаниям О.П. Павловой. Ставрополь, 1914. С. 5.
- ³¹ Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 372; Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 12. С. 155-157.
- ³² АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 252.
- ³³ Маркова О.П. Указ. соч. С. 231.
- ³⁴ Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 28-29. О батальоне дезертиров у Шамиля см.: Нечитайлов М.В. Кавказский «Багадеран»: русские дезертиры на службе у Шамиля // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2005. С. 179-183.
- ³⁵ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля // Отечественные записки. 1856. Т. 105. № 3. С. 247.
- ³⁶ Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. Paris, 1899. P. 174-175. В том же году французский офицер Э. Тиллени предложил «поднять весь Кавказ» при поддержке польских и венгерских эмигрантов, служивших Шамилю (Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях: 30-60-е гг. XIX века. Владикавказ, 1992. С. 93).
- ³⁷ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Военнопленные поляки... С. 93-96.
- ³⁸ См.: Порада А.М. Указ. соч. С. 18-22.
- ³⁹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1473. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5 (циркуляр МВД от 12 декабря 1842 г.).
- ⁴¹ Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 161.
- ⁴² Бенкендорф К.К. Воспоминания. 1845 // Осада Кавказа... С. 348.
- ⁴³ АКАК. Т. VIII. С. 549.
- ⁴⁴ ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Лл. 4-5 об., 9, 13-13 об., 14, 16.
- ⁴⁵ Кругов А.И. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁶ Орудина Л., Искра Г. О чем рассказывают названия // Агитатор Ставрополья. 1988. № 21. С. 31.
- ⁴⁷ Также см.: Гаджиев Б.И. Указ. соч. С. 15-16, 36-55.
- ⁴⁸ Бижев А.Х. Указ. соч. С. 137-138.

Листовки НТС в Афганистане

К 30-ЛЕТИЮ ВВОДА ВОЙСК

«ПОСЕВ» 1984 № 9

Советская пресса уже не раз откликнулась на распространение литературы НТС среди советских военнослужащих в Афганистане (см., например, статьи: «Шакалы в волчьем логове» в «Огоньке» № 26 и № 27, 1983 г.; «Кто за спиной рыцарей ночи» в «Лит. газете» от 7.9.1983; «Басмачи и НТС» в «Голосе родины» № 50, 1983 г.). В подобных статьях утверждается, что НТС «...подстрекает к предательству Родины, к пособничеству врагу. Ложь и ненависть тесно сплетаются в этих листовках. Злобная хитрая клевета».

Чтобы показать читателям, что в этих листовках говорится на самом деле, мы печатаем ниже текст одной из них. Подобные листовки НТС при помощи афганцев распространяет в Афганистане с 1980 г.; сейчас это делается в широких масштабах по всей стране, очень часто – в Кабуле. Тексты листовок время от времени меняются (в «Посеве» № 9/1980 и № 9/1983 публиковались два из них), но неизменной остается российская национально-государственная позиция НТС, с которой в листовках дается оценка идущей войны, развязанной руководством КПСС и противоречащей нуждам нашего народа.

Солдаты! Офицеры!

Вас послали в Афганистан якобы для защиты этой страны от «происков империализма». Вам усиленно вдалбливали на политинформациях о пакистанских, американских и китайских наемниках, мешающих построению социализма в этой стране, о решимости простых афганцев «отстоять завоевания апрельской революции». Соответствует ли это тому, с чем вам пришлось столкнуться в действительности? Видел ли кто-нибудь из вас в Афганистане иностранных солдат, кроме советских?

Против вас воюют простые афганцы, те самые, которых вас послали «защитать» и которые не желают видеть на своей земле социализм, принесенный на штыках. Вы можете убедиться, что афганская компартия (НДПА) ничтожно мала и не пользуется поддержкой большинства населения, развернувшего! против коммунистического режима партизанскую войну. Вы посланы защищать коммунистический режим от афганского народа, и больше ни для чего. Без поддержки более чем 100-тысячного «ограниченного контингента» этот режим не простоял бы и месяца.

За что вы отдаете свои жизни на чужой земле? За то, чтобы КПСС отметила на карте мира еще одно социалистическое государство, а на десятки тысяч загубленных ребят, на то, что международный престиж нашей страны подорван на долгие годы, на сотни тысяч убитых афганцев кремлевским борцам наплевать. Им лишь бы власть свою сохранить и расширить, а своих сыновей они в Афганистан не пошлют.

Мало того, что КПСС посылает вас умирать в этой колониальной войне, она и предает вас там: много вы читаете в советских газетах правды об афганской войне? Первые годы они и вовсе замалчивали участие советских войск в боях; все так представляли, будто с партизанами воюет афганская регулярная армия. Наши солдаты умирали «по секрету». В дореволюционных русских газетах во

время войны печатали списки погибших и пропавших без вести, выражались соболезнования родным. Сравнимо ли это с отношением советского правительства к собственным бойцам?

Афганские партизаны неоднократно предлагали обмен попавших к ним в плен советских солдат на пленных партизан, но ни на одно из этих предложений советское правительство не ответило согласием, бросив пленных на произвол судьбы.

Материальное положение советских солдат в «ограниченном контингенте» сравнимо только с армиями отсталых стран, – нигде больше солдаты не получают такого низкого денежного содержания и такого скудного и однообразного питания. О всеобщей жесточенности, об издевательствах «стариков» над «салагами» давно известно за пределами армии. Беспричинно такое явление возникнуть не могло.

Может ли такая армия быть достаточно боеспособной для отражения иностранной агрессии?

«Мы защищаем социализм», говорили вам наверняка на политинформациях. А так ли уж хорош этот строй, чтобы умирать за него? Те из вас, кто приехал из провинции, знает, что такое талоны на мясо и масло, а иногда даже на такие необходимые продукты, как картошка или молоко. Конечно, партийной верхушки это не касается – для них существуют спецраспределители, где друзья народа» могут купить (или просто получить) то, что простому человеку и не снилось. «Народ и партия едины, но ходят в разные магазины»...

Что только ни придумывает советская пропаганда, чтобы объяснить все эти «достижения социализма»:

– «последствия войны» (которая кончилась почти 40 лет назад),

– «сохранение мира», поддержка «братских стран» (это верно – одна только Куба стоит нам миллион долларов в день, а Афганистан и того дороже),

– «плохие погодные условия» (более 60 лет подряд?) ...

Но для всех здравомыслящих людей уже давно ясно, что без свободы частной инициативы и элементов саморегулирования экономика нормально развиваться не может, что лучше всего крестьянин трудится на с в о е и (а не на колхозной или совхозной) земле...

Понимают это и самозванцы в Кремле. Но никогда они не пойдут на значительные реформы, потому что эта убогая система – основа их власти.

Против этой системы боремся мы – российская освободительная организация Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС). Наша цель – построение свободного российского государства, которое мы видим как федерацию всех народов, населяющих нашу страну.

Мы – за новую Россию, где смена власти будет происходить не в результате тайной закулисной возни в Политбюро или смерти очередного «портрета», а после свободных всенародных выборов, при участии разных политических партий, выставяющих разные программы.

Мы – за право владения землей для крестьян (а уж они сами выберут, как им обрабатывать землю – коллективно или единолично).

Мы – за три формы собственности в экономике (частную, государственную и собственность общественных организаций) при свободной конкуренции.

Лишь после достижения этих основных перемен наш народ сможет вздохнуть свободно, лишь после этого на русских во всем мире будут смотреть не со страхом, недоверием и ненавистью, а с уважением, подобающим нашему великому народу.

Коммунисты говорят много красивых и высоких слов о преимуществах социализма, но о нем, как и о человеке, нужно судить по его делам. Одно из таких дел коммунистов – война в Афганистане. Ее вы видели – судите сами.

На территории СССР НТС действует подпольно: распространяет листовки, литературу, создает группы единомышленников, по возможности, проникает в аппарат управления. Если связаться с центром НТС в эмиграции невозможно, допускается вступление в НТС самоприемом – для этого достаточно быть согласным с нашей программой и действовать нашими методами.

Мы не можем полностью проследить путь, которым к вам дошла эта листовка, и мы не знаем всех конкретных условий, в которых вы находитесь, поэтому нам трудно дать вам четкий и однозначный ответ, как поступить сейчас.

Но поймите главное:

Война в Афганистане России не нужна. Она не несет нам ничего, кроме тысяч убитых, миллиардных расходов и подрыва международного престижа.

Истинные враги России не афганцы, а те самые упитанные «вожди», которых не интересует ничего, кроме собственной власти, из-за которой они пойдут на любое преступление против нашего народа.

Единственный путь к прекращению этой войны, к предотвращению новых войн, к выходу нашей страны из углубляющегося экономического и политического кризиса – устранение диктатуры КПСС.

КПСС – ВРАГ НАРОДА!

Если у вас есть возможность послать нам письмо из-за границы (но не из Афганистана и не из соц-стран), мы попробуем связаться с вами. Если нет – работайте сами: создавайте подпольные группы единомышленников, распространяйте правду о том, что вы видели здесь, перефотографируйте или перепечатайте эту листовку и распространяйте ее, – чем больше наших солдат сможет ознакомиться с ее содержанием, тем больше людей начнет искать свой путь борьбы за освобождение родины.

В трудные для страны дни ответственность за ее судьбу ложится на ваши плечи. Может быть, именно прогрессивно настроенные военные сумеют свернуть Россию с опасного курса, выбранного коммунистическими демагогами.

Письма в центр НТС в эмиграции посылайте по адресу:

POSTBUS 902, ROTTERDAM,
NEDERLAND

НЕ УПУСКАЙТЕ ВОЗМОЖНОСТИ

переправить «Посев» в Советский Союз или передать гражданам СССР, находящимся на Западе. Для возмещения переданного экземпляра обращайтесь по адресу издательства «Посев» к А. А. Кандаурову. У него можно заказать и другую литературу для той же цели.

К 130-летию «Богоданного Вождя»

ТРИ ДОКУМЕНТА ЭПОХИ

Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович – один из известнейших политических деятелей XX в. Многолетний руководитель коммунистической (большевицкой) партии и советского государства, видный теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма. Родился 9 (21) декабря 1879 года (по некоторым сведениям – 1878) в г. Гори Тифлисской губернии в семье крестьянина и сапожника. Окончив в 1894 г. Горийское

духовное училище, поступил в Тифлисскую духовную семинарию, но в ней не доучился. С 1898 г. – в социал-демократическом движении, после 1903 г. примкнул к большевикам. В 1917 г. – один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С 3 апреля 1922 г. – генеральный секретарь ЦК РКП(б), с 6 мая 1941 г. – председатель Совета народных комиссаров (с марта 1946 г. – Совета министров) СССР. С 6 марта 1943 г. – маршал

Советского Союза, с 27 июня 1945 г. – генералиссимус. Почётный член Академии наук СССР (1939), герой Социалистического труда (1939), герой Советского Союза (1945). Скончался 5 марта 1953 г. в Москве¹.

Парадоксально, что И.В. Сталин – один из главных организаторов множества преступлений против народов России (вспомнить хотя бы «добровольно-принудительную» коллективизацию и голодоморы) – в историю Русской православной церкви (РПЦ) вошёл как... положительный персонаж. И это несмотря на массовые репрессии священно- и церковнослужителей во время «безбожных пятилеток» 1930-х гг.⁽¹⁾²

Положительный имидж Сталина был сформирован во многом благодаря соответствующей проповеднической деятельности высшего духовенства: в первую очередь – иерархов, стоявших в 1940–1950-х гг. у кормила РПЦ.

Рубежной датой в истории взаимоотношений «советской» церкви³ и государства является 4 сентября 1943 г. В тот день в Кремле состоялась историческая встреча генсека с тремя высшими иерархами РПЦ. (Во многом она была обусловлена желанием Сталина накануне запланированной на конец ноября 1943 г. в Тегеране встречи глав СССР, США и Великобритании создать себе в глазах мировой общественности «положительный имидж»). На следующий день в газете «Известия» появилось следующее лаконичное сообщение: «4 сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина состоялся приём, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием⁴, Ленинградским Митрополитом Алексием⁵ и Экзархом Украинским и Галицким Митрополитом Николаем⁶. Во время беседы Митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Глава правительства тов. И.В. Сталин сочувственно отнёсся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий. При беседе присутствовал Заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотов⁷»⁸.

Уже через 3 дня (8 сентября) в Москве был созван Собор епископов Русской православной церкви в составе 19 архиереев. Тогда же на безальтернативной основе в патриархи был избран митрополит Московский Сергий (Стагородский)⁹. И 12 сентября вышел первый номер (после 8-летнего перерыва) печатного органа РПЦ – «Журнал Московской патриархии». Со страниц этого издания стали звучать высокие слова в адрес Сталина. Высшие иерархи называли его «Богоданным Вождём» (прозвучало от патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского))¹⁰, «богодарованным Верховным Вождём нашим» (выражение митрополита

Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского))¹¹, «любимейшим вождём нашего народа, гениальным Верховным Главнокомандующим нашего воинства, Богом поставленным на свой подвиг служения нашей Родине» (слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича))¹² и т. п.

Публикуемые документы выявлены в ставшей библиографической редкостью подшивке официального церковного издания – «Журнала Московской патриархии» за 1940-е и 1950-е гг. В двух её номерах (№ 12 за 1949 г. и № 1 за 1950 г.) заметное место отведено материалам, посвящённым церковным торжествам по случаю 70-летнего юбилея «глубокопочтимого и дорогого» Иосифа Виссарионовича. Публикуемые документы иллюстрируют отношение иерархов РПЦ к личности «Вождя, Учителя и Друга трудящихся». Они позволяют прикоснуться к историческим корням такого общественно-политического феномена, как «православный сталинизм»¹³.

*Публикация доктора исторических наук
М.А. Бабкина.*

¹ См. о нём, например: Большая советская энциклопедия. М., ОГИЗ СССР. 1947. Т. 52. С. 535–622; Большая советская энциклопедия. М., Изд. Советская энциклопедия. 1976. Т. 24. Кн. 1. С. 400–401; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН. 1996. С. 586–588.

² Впрочем, в год 130-летнего юбилея «вождя» (с лета 2009 г.) со стороны высокопоставленных представителей духовенства РПЦ стали раздаваться весьма резкие высказывания в адрес Сталина. Например, председатель Отдела внешних церковных связей РПЦ архиепископ Иларион (Алфеев) в июне 2009 г. сказал: «Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несёт личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. [...] И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне. Победа в Великой Отечественной войне была действительно чудом, потому что Сталин перед войной сделал всё, чтобы разгромить страну. Он уничтожил всё высшее руководство армии, в результате массовых репрессий поставил некогда могущественную страну на грань выживания. В 1937 году, когда была перепись населения, страна недосчиталась десятков миллионов людей. Куда делись эти миллионы? Их уничтожил Сталин» (Силаев Н., Мацан К. Миссия в миру. [Интервью с архиепископом Волоколамским Илларионом (Алфеевым)] // Эксперт. М., 2009. № 23 (661). 15–21 июня. С. 68). Несколько позже схожие слова прозвучали и от председателя Синодального отдела РПЦ по взаимодействию Церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина: «О том, что Сталин был тайным христианином, серьёзных свидетельств нет. Более того, все поведение этого человека вплоть до последнего дня показывает, что у него не было ни тени покаяния или иных признаков отхода от безбожия. [...] Да, Сталин укреплял государство, восстанавливал его внешнюю мощь, но не смог отказаться от безбожной идеологии и большевицкой социальной механики, которая и привела в конечном итоге Союз к гибели. Сталинский ум и эффективность в вопросах государственной политики и управления вовсе не дают оснований считать его христианином» (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=1224>).

³ Сближению и тесному сотрудничеству Русской церкви

и советского государства положило начало «Послание» (или «Декларации» «Об отношении Православной российской церкви к существующей гражданской власти») от 16 (29) июля 1927 г., подписанное заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Нижегородским и Арзамасским Сергием (Страгородским) и членами Временного при нём патриаршего Священного синода. Её текст см.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. М., 1927. № 188 (3122). 19 августа. С. 4.

«Декларацию» не признала значительная часть духовенства РПЦ: главным образом – архипастыри и пастыри, принадлежавшие к «Катакомбной» и «Зарубежной» церквям. Пошедшую на сотрудничество с советской властью часть исторической РПЦ они стали именовать «советской», или «красной» церковью. (См. об этом, например: *Андреев И.М.* О положении Православной Церкви в Советском Союзе. Катакомбная Церковь в СССР. Доклад, прочитанный 7 декабря 1950 г. перед Архиерейским Собором. N.Y., Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь. 1951. – 14 с.; *Антоний, епископ Лос-Анжелосский.* О положении Церкви в советской России и о духовной жизни русского народа. Доклад архиерейскому собору 1959 г. епископа Лос-Анжелосского Антония. N.Y., Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь. 1960. – 54 с.; *Польский Михаил, священник.* Положение Церкви в Советской России. Очерк бежавшего из России священника. СПб., б/и. 1995. – 131 с.).

⁴ Сергей (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944) – митрополит Нижегородский и Арзамасский (в 1924–1934 гг.), заместитель патриаршего местоблюстителя (в 1925–1926 и 1927–1937 гг.), митрополит Московский и Коломенский (с 1934 г.), местоблюститель патриаршего престола (с 1937 г.), патриарх Московский и всея Руси (с 12 сентября 1943 г. по 15 мая 1944 г.).

⁵ Алексей (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970) – митрополит Ленинградский и Новгородский (в 1933–1945 гг.), местоблюститель патриаршего престола (с 15 мая 1944 г.), патриарх Московский и всея Руси (с 4 февраля 1945 г. по 17 апреля 1970 г.).

⁶ Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1891–1961) – митрополит Киевский и Галицкий (в 1941–1943 гг.), митрополит Крутицкий и Коломенский (в 1944–1960 гг.), скончался «на покое».

⁷ Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – партийный и государственный деятель СССР: председатель Совнаркома (в 1930–1941 гг.), 1-й заместитель председателя Совнаркома (Совета министров) (в 1941–1957 гг.), одновременно – заместитель председателя Государственного комитета обороны (в 1941 – 1945 гг.), одновременно нарком, министр иностранных дел (в 1939–1949 и 1953–1956 гг.). С 1962 г. на пенсии.

⁸ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. М., 1943. № 210 (8203). 5 сентября. С. 1.

⁹ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. М., 1943. № 213 (8206). 9 сентября. С. 2.

¹⁰ Прозвучало в «Послании к пастве» от 7 ноября 1943 г. (Журнал Московской патриархии. М., 1943. № 3. С. 3–4).

¹¹ Из «Слова», сказанного 23 января 1944 г. по случаю снятия блокады с Ленинграда (Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 2. С. 11–12).

Владыка Алексей (с 4 февраля 1945 г. – патриарх Московский и всея Руси) также именовал И.В. Сталина «возлюбленным Вождём», «великим Верховным Вождём», «мудрым Вождём, которого Промысл Божий избрал и поставил вести наше Отечество по пути благоденствия и славы» (Журнал Московской патриархии. М., 1945. № 2. С. 70, № 5. С. 10, 1947. № 11. С. 4–5).

¹² Из статьи «Верховный вождь страны и Красной армии» (Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 1. С. 13–15). Высокими словами – «любимым Вождём», «нашим гениальным Верховным Главнокомандующим, нашим богоданным вождём», «величайшим из людей современной нам эпохи,

гениальным вождём многомиллионного государства» митрополит Николай называл И.В. Сталина и позже (Журнал Московской патриархии. М., 1944. № 10. С. 8, № 11. С. 20, 1945. № 5. С. 26). В частности, в его телеграмме, посланной Сталину весной 1944 г., содержалось такое славословие: «Вам – гениальному Полководцу наших воинских сил и горячо любимому Отцу народов нашей страны – да дарует Господь крепость сил на многая, многая лета» (Там же. 1944. № 5. С. 7).

¹³ О том, что в РПЦ сегодня в определённой мере существует культ «вождя всех времён и народов» свидетельствует... икона с изображением Сталина. На ней – блаженная Матрона Московская благословляет Иосифа Виссарионовича на борьбу с гитлеровцами. Образ написан нашим современником – Ильёй Пивником для храма во имя св. равноапостольной великой княгини Ольги в Стрельне под Санкт-Петербургом.

К просьбам паствы убрать эту икону настоятель церкви игумен Евстафий (Жаков) отнёсся едва ли не пренебрежительно. Он лишь перенёс образ со Сталиным в менее посещаемую часть храма. «Я верю двум патриархам – Сергию и Алексию I. Они считали совершенно определённно: Сталин был верующим человеком», – заявил о. Евстафий журналистам. (Цит. по: НГ-религии. [Религиозно-политическое обозрение «НГ». Приложение к «Независимой газете»]. М., 2008. № 21 (237). 3 декабря. С. 3).

№ 1.

Поздравительная телеграмма патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) председателю Совета министров СССР, генеральному секретарю ЦК КПСС И.В. Сталину по случаю его 70-летнего юбилея

21 декабря 1949 г.

МОСКВА. КРЕМЛЬ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ,
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ
ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ¹.

Среди бесчисленных со всех концов мира приветствий от преданных Вам и любящих Вас, примите, дорогой и глубокочтимый Иосиф Виссарионович, от Русской Православной Церкви, всегда Вам благодарной за Ваше исключительное внимание к её нуждам, и от меня лично самые искренние и сердечные поздравления в близкий для всех нас день славного семидесятилетия Вашего вместе с горячими пожеланиями Вам многих и многих лет здоровья и счастья.

Мы усердно молимся об этом и искренно свидетельствуем, что эти пожелания исходят от заветных чувств наших к Вам, неуклонно ведущему Родину нашу к благоденствию, счастью и славе. Благоволите, дорогой Иосиф Виссарионович, принять подносимый Вам от лица всего Епископата Русской Православной Церкви приветственный адрес².

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ
И ВСЕЯ РУСИ.

Журнал Московской патриархии. М., 1949. № 12. С. 3.

¹ Здесь и далее выделено в источнике.

² См. документ № 2.

№ 2.

«Приветственный адрес от духовенства и мрян Русской Православной Церкви Вождю народов СССР, генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину в день семидесятилетия со дня рождения»¹

21 декабря 1949 г.

ГЛУБОКОЧТИМЫЙ И ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

В день Вашего семидесятилетия, когда всенародное чувство любви и благодарности к Вам – Вождю, Учителю и Другу трудящихся – достигло особой силы и подъёма, мы, церковные люди, ощущаем нравственную потребность присоединить свой голос к мощному хору поздравлений и выразить Вам те мысли и пожелания, которые составляют особенно драгоценную часть нашего духовного достояния.

Как граждане великой Советской страны и верные чада своего народа, мы прежде всего глубоко чтим подвиг Вашей многоплодной жизни, без остатка отданной борьбе за свободу и счастье людей, и усматриваем в этом подвиге исключительную силу и самоотверженность Вашего духа. Нам особенно дорого то, что в деяниях Ваших, направленных к осуществлению общего блага и справедливости, весь мир видит торжество нравственных начал в противовес злобе, жестокости и угнетению, господствующим в отживающей системе общественных отношений.

Так, торжество справедливости раскрывается для нас в Вашем мудром и твёрдом руководстве благодетельными преобразованиями внутри страны, а стремление к общему благу одушевляет дальновидную внешнюю политику нашего Государства, направленную к установлению длительного и прочного мира между народами. Ваша последовательная борьба за равноправие больших и малых народов свидетельствует о глубокой вере в достоинство человека, независимо от расы, национальности и религии, а неустанная забота о человеке, проявляющаяся в государственных мероприятиях по охране народного здоровья, по воспитанию детей и обеспечению немощной старости, постоянно оживляет горячую к Вам любовь трудящихся.

Ощущая на каждом шагу Ваши благородные усилия, направленные к тому, чтобы сделать жизнь людей мирной и счастливой, мы видим в Вашем лице не только великого государственного человека и Вождя, направляющего жизнь народов в новое русло истории, но и отечески заботливого попечителя всех сторон нашего человеческого существования со всеми его разнообразными нуждами. Близость последних Вашему сердцу сделало Ваше имя близким и дорогим всем простым людям на свете, всему передовому человечеству.

Как и все вообще интересы трудящихся, близки Вам и нужды верующих русских людей, составляющих Русскую Православную Церковь. Свидетельствуя о Вашем отношении к этим нуждам, мы преж-

де всего с чувством глубокого удовлетворения воздаём должное правам и обязанностям граждан Советского Государства, закреплённым Сталинской Конституцией². В ряду этих прав нам, церковным людям, особенно дорога ничем не стесняемая свобода и возможность исповедовать свою православную веру, как и полное гражданское равноправие нашего православного духовенства. Благодаря Сталинской Конституции церковные люди нашей страны могут не только свободно осуществлять свои церковные идеалы, но и принимать участие в общественной и государственной жизни.

Обязанные Вашей государственной мудрости полнотой и свободой своей церковной жизнедеятельности, русские православные люди ещё твёрже встали на страже интересов своей великой Родины, и тем самым заслужили ещё большее внимание с Вашей стороны к нуждам Православной Церкви. Когда для неё созрел вопрос о каноническом возглавлении Патриаршей властью, Вы, несмотря на бесчисленные заботы и тревоги военного времени, лично приняли в сентябре 1943 года трёх высших иерархов нашей Церкви и благосклонно отнеслись к их планам благоустройства церковной жизни. Благожелательным содействием встретили Вы и их намерение созвать Собор епископов в 1943 году, на котором состоялось избрание Митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси³.

Дальнейшие шаги нашей Церкви, направляемые к укреплению своего внутреннего строя, встречают с Вашей стороны такое же неизменное сочувствие. После кончины Патриарха Сергия, так верно определившего направление церковной жизни, Ваше внимание к нуждам Русской Православной Церкви сказалось в широком содействии созыву Поместного Собора 1945 года, на который были приглашены восточные патриархи и представители других Православных Церквей⁴. Как известно, этот Собор, избравший на место почившего Патриарха Сергия нового Патриарха⁵, принял «Положение об управлении Русской Православной Церкви» и положил начало целому ряду мероприятий по укреплению её правового положения.

С чувством глубокой признательности должны мы вспомнить и о Вашем содействии историческому путешествию представителей русского православного духовенства во главе с Патриархом в Святую Землю⁶, как и поездкам многих патриарших делегаций за границу с целью укрепления связей Русской Церкви с православным миром зарубежных стран. Благодаря этим путешествиям и связям, наша Церковь не только укрепила общение с другими Православными Церквями, но и собрала под своё крыло многих своих чад, рассеянных по всему миру.

Навсегда останется памятным и Ваше внимание к патриотической деятельности православного духовенства и верующих во время Великой Отечественной войны, когда решались судьбы нашего Отечества. В то трудное время на всякую жертву Церк-

ви, приносимую на алтарь победы, Вы отвечали отеческой благодарностью, запечатлённой Вашими многочисленными телеграммами на имя Патриарха, епархиальных архиереев, настоятелей храмов и верующих.

В 1948 году Русская Православная Церковь вновь ощутила Ваше содействие в деле проведения церковных торжеств по случаю 500-летия её автокефалии⁷ и приуроченного к ним Совещания Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей⁸. Это событие, ставшее достоянием мирового общественного мнения, показало всему миру какие отношения возможны между Церковью и Государством, когда они построены на началах взаимного уважения и свободы.

И теперь, ощущая на каждом шагу своей церковной и гражданской жизни благие результаты Вашего мудрого государственного руководства, мы не можем таить своих чувств, и от лица Русской Православной Церкви приносим Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, в день Вашего семидесятилетия, глубокую признательность и, горячо приветствуя Вас с этим знаменательным для всех нас, любящих Вас, днём, молимся об укреплении Ваших сил и шлём Вам молитвенное пожелание многих лет жизни на радость и счастье нашей великой Родины, благословляя Ваш подвиг служения ей и сами вдохновляясь этим подвигом Вашим.

[Подписали:]⁹.

*Журнал Московской патриархии. М., 1949.
№ 12. С. 5–11.*

¹ «Адрес» был вложен в ларец художественной работы, на крышке которого, с внутренней стороны, была прикреплена золотая пластинка с надписью: «Иосифу Виссарионовичу Сталину в день его семидесятилетия от Русской Православной Церкви» (Журнал Московской патриархии. М., 1950. № 1. С. 13). Три фотографии этого ларца см.: Там же. С. 14–16.

Название «Приветственного адреса» некорректно. В нём значится, что он – «...от духовенства и мирян». Но поскольку ничьих подписей под ним, кроме архиерейских, не стоит, то фактически он является посланием от епископата.

² Имеется в виду Конституция СССР 1936 г. Среди прочего, в ней (как и в Конституция СССР 1924 г.) говорилось о «свободе отправления религиозных культов» и «свободе антирелигиозной (атеистической) пропаганды». То есть в СССР граждане с атеистическими убеждениями могли пропагандировать их, а верующим предоставлялась лишь возможность «отправлять религиозные культы» (Русская Православная Церковь и право: комментарий / Отв. ред. М.В.Ильичёв. М., Изд. БЕК. 1999. С. 35).

³ Избрание московского митрополита Сергия (Страгородского) в патриархи состоялось на Соборе епископов Русской православной церкви 8 сентября 1943 г. В тот же день Собор принял ещё одно важное постановление, касающееся общественно-политических событий. Оно гласило: «Всякий, виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлучённым, а епископ или клирик – лишённым сана» (Журнал Московской патриархии. М., 1943. № 1. С. 16, № 3. С. 6, 25).

⁴ Этот Поместный собор РПЦ работал в Москве с 31 января по 2 февраля 1945 г. В его работе принимали участие все 45 архиереев РПЦ, а также 126 представителей приходских клириков и мирян. В качестве почётных гостей присутство-

вали патриарх Александрийский, патриарх Антиохийский, католикос всея Грузии, делегации Константинопольского и Иерусалимского патриархатов (Журнал Московской патриархии. М., 1945. № 2. С. 3). Для прибытия на него зарубежных гостей советское правительство специально выделило транспортные средства и тёплую одежду. Помимо этого всем членам Собора были предоставлены помещения и питание, автомобили и автобусы для поездок по Москве (Там же. 1945. № 5. С. 25).

⁵ Имеется в виду избрание (2 февраля 1945 г.) и наставление (4 февраля) на патриаршество Алексия (Симанского) (Журнал Московской патриархии. М., 1945. № 2. С. 3–7, 30, 48–50).

⁶ Эта поездка по Ближнему Востоку и Египту проходила с 28 мая по 26 июня 1945 г. (см. о ней: Журнал Московской патриархии. М., 1945. № 7. С. 9–10, № 8. С. 6–26, № 9. С. 16–25).

⁷ Автокефальная церковь (в буквальном переводе с греческого) – самоглавенствующая. Другое название – поместная церковь.

⁸ См. об этих торжествах, состоявшихся 8–19 июля 1948 г.: Журнал Московской патриархии. М., 1948. № 8. С. 3–35, № 10. С. 3–5, № 11. С. 16–17; 1948. Специальный номер. С. 5–68.

⁹ Приветственный адрес подписан последовательно поименованными в источнике всеми 74 архиереями, состоящими в то время в «штате» РПЦ: патриархом, 5 митрополитами, 21 архиепископом и 47 епископами (все – с указанием занимаемых кафедр).

№ 3.

Речь патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского) в Елохово-Богоявленском патриаршем соборе перед молебном в день празднования 70-летия председателя Совета министров СССР, генерального секретаря ЦК КПСС И.В. Сталина¹

21 декабря 1949 г.

Сегодня наша Страна празднует день рождения и семидесятилетие своего Вождя, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Со всех концов мира несутся к нему выражения любви, приветствия, благожелания, признание его великих заслуг перед Родиной, пред всем тем нравственно-высоким, что составляет идеал стремлений человечества.

Он – признанный всем миром Вождь не только народов Советского Государства, но и всех трудящихся; он – первый в ряду поборников и защитников мира среди народов, мира во всём мире.

Мне нет нужды, ибо это всем нам хорошо известно, излагать здесь его великие заслуги перед Родиной нашей в деле укрепления её мощи, в деле её необыкновенного преуспевания во всех отношениях, во всех отраслях труда; нет надобности напоминать вам и о том, что благодаря его гениальному руководству наша славная армия в годину тяжчайших испытаний, постигших наше Отечество, когда на него напал сильный и злобный враг, – одержала победу над этим врагом, и Родина наша вышла из горнила испытаний ещё более сильной, славной и мощной.

Всякий, кто лично знаком с нашим Вождём, поражается обаянием его личности; он покоряет собеседника своим внимательным отношением ко вся-

кому делу; ласковостью; своей необыкновенной осведомлённостью во всяком деле; силой и мудростью слова; быстрым и благоприятным решением каждого представляемого ему дела и вопроса.

Мы, церковные люди, должны благодарить его особенно за его участливое отношение к нашим церковным нуждам; всякий церковный вопрос, соприкасающийся с гражданскими сферами, он разрешает в благоприятном для Церкви смысле. Святая Церковь наша имеет в нём верного защитника.

Мы собрались сегодня в великом множестве в храмах наших, чтобы, как это свойственно нам, верующим и церковным людям, молитвою принять участие в праздновании этого знаменательного для него и для всех нас дня и испросить у Господа ему

и в дальнейшем благословение на его великий подвиг служения родному Отечеству и народу и успех во всех его благих начинаниях.

Да даст ему Господь много лет в здравии и благоденствии стоять у кормила правления родной Страной, и да процветает Страна наша под его мудрым водительством многая и многая лета на радость и счастье её народов. Аминь.

Журнал Московской патриархии. М., 1950. № 1. С. 4.

¹ Молебен был отслужен соборно: патриархом, тремя архиереями и настоятелями всех московских храмов. Торжественные службы в тот день прошли и во всех столичных церквях (Журнал Московской патриархии. М., 1950. № 1. С. 10–11).

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Ирина Роднянская

Ленин: художественно-исторический портрет за гранью идеологий

Портрет Ленина... Во время работы писателя над этими главами «Красного Колеса» он присутствовал зримо – в несомненной роли антикони, то есть места реальной встречи с тем, кто на ней изображен. «Двое в комнате: я и Ленин – фотографией на белой стене», – писал Маяковский. Поразительно, с какой буквальностью – не столь важно, что история литературы, но история отечества – воспроизвела эту сцену словно для того, чтобы почти через полвека (через 45 лет) погасить ее прежний заряд новым, несущим правду смыслом.

Из дневниковых записей «Р-17» известно, что чувствовал автор, глядя за работой на этот портрет, – он чувствовал присутствие оригинала: «...потрясающая фотография: сколько зла, пронизательности и силы. В и д и т мой замысел – и не может (не может ли?) ему помешать. Посмертная попытка ему – а мне земное соревнование» (27 февраля 1975 года). Состояние, прямо противоположное молитвенному, если искреннему («Я себя под Лениным чищу...»), у Маяковского, но столь же интенсивно диалогическое: у того – может помочь, у этого – не исключено, что может помешать. Но – не помешал, и вот уже победительный миг еще одной встречи. В ресторане «Белый лебедь», на прощальном застолье с цюрихскими знакомцами-помощниками: «Поднимаю глаза: на близкой низкой стене прямо против меня портрет Ленина! – да какой: тот, мой избранный для книги, – самый страшный и выразительный, где он и дьявольски умён, и безмерно зол, и приговорённый преступник. Три недели он висел у меня на стене в горах, с ненавистью и страхом сле-

дил за моей работой. И вот – здесь, разве не символ?..» (17 марта 1975 года).

В «Красном Колесе» – при всей динамике завязанного в немногодневные узлы исторического действия – избыльны портреты деятелей и фигурантов государства и революции – от императора до какого-нибудь Стеклова-Нахамкиса; важнейшим из них посвящены так названные автором «обзорные главы» (пространные ретроспекции, наплывы и флешбэки), как правило, лица эти поданы и «изнутри» (что так поразило о. Александра Шмемана в изображении Ленина и повлекло к далеко идущим у него выводам), и/или стереоскопически, глазами окружающих и через строку документа, с принципиальным избеганием толстовского нависающего всеведения, – и, казалось бы, Ленин здесь не исключение, один из эпопейного ряда, в контрастном соседстве с «крестьянскими» главами, с семьей Ники и Аликс, с Гучковым... Но не тут-то было. «Земное соревнование», влияющее, по внутреннему чувству автора, на русское будущее, идет только с ним – сила на силу, – и поэтому его портрет (говорю уже о портрете литературном) углубляется до последних оснований и корней бытия: от психологизма и историзма до онтологии и, если угодно, мистики. Иначе и быть не могло. «Единственно, к чему он был призван, – повлиять на ход истории...» – мысль Ленина о себе и одновременно мысль автора о нём (здесь, как и во множестве других случаев излюбленной Солженицыным косвенной речи, голоса обоих сливаются). Соженицынское же призвание, по словам Н.А. Струве, передан-

ным в «Дневнике» Шмемана, – «очищение истории и человеческого сознания от всевозможных миазмов» и (это уже пишет сам Шмеман) возвращение России на ее изначальный путь. Другими словами, перед нами два лица, призванные повлиять на ход истории, так что дело одного должно быть разрушено делом другого: *человек судьбы* (я потом остановлюсь на сути этого летучего выражения) – и художник, наделенный даром визионерского постижения «рока событий»¹. Цели обоих – хотя противоположные, но симметричные («Антилениным» чувствует себя автор в ходе работы над ленинскими главами). Ну а средства – средства, естественно, разнотипные, хотя в чём-то тоже соположенные.

Соположенные в том отношении, что Ленин тоже был *литератором* (так, помнится, он и ответил в одной из анкет на вопрос о роде занятий). Не будет большим преувеличением сказать, что вождь овладел Россией отнюдь не на баррикадах и даже не в штабах восстаний, а с помощью неостановимого потока идеологически нагруженных слов, извергаемого на пути к власти келейно или подпольно скорее, чем публично. Н. Валентинов в своих «Встречах с Лениным» отмечает «пугливое самооберегание» этого профессионального революционера, столько раз выстреливающего словами «драка» и «драться». Солженицын тоже не проходит мимо этой черты, мельком отмечая то страх перед каким-нибудь мужицким нападением «с вилами» на них, беглецов из Поронина, то ретираду от гимназистиков, демонстрирующих у дворца Кшесинской, – вдруг случайный выстрел? Но в этих штрихах – и вообще нигде в солженицынской лениниане – нет эмоции презрения: силу не презирают. Не трус Ленин, а фехтовальщик словесным оружием.

В апрельском Узле верная приспешница вождя Коллонтай подмечает: «Пустопорожний Чернов, у него всегда одна беллетристика <...> Кажется, оба они с Лениным всю жизнь были только эмигрантскими журналистами? только писали? Но как поразному: Ленин через писания физически организовал партию». «...Именно *так* и движется история: от одной завоёванной резолюции к другой, натиском меньшинства – сдвигать и сдвигать все резолюции – влево! влево!»; и – притом: «...надо быть архиосторожным <...> ко всем опасным фразам пристраивать оборонительные придаточные предложения, все фразы должны быть во всех боках защищены, оговорены и противовешены – чтоб никто не мог выбрать незащищённую» (это в Цюрихе, в октябре 16-го, косвенные промельки ленинских мыслей). К этой же словесной войне размежеваний на пути к безраздельной власти, своей и своего меньшинства, примыкает образ Ленина-«суфлёра», за сценой впаривающего своим загипнотизированным адептам набор лозунгов для дальнейшего тиражирования. И само оформление «партии нового типа» совершается через *словесное* переименование – из «социал-демократической» в «коммунистическую», – в апрельском Узле этот

факт отнюдь не обойден, а упомянут в числе значимых событий (да и теперь, сколько ни подталкивают зюгановскую партию к обратному переименованию, те всё противятся – чувствуют, что слово изменит и дела).

Разоружить, обезвредить слово идеологическое антидотом – словом художественным: пластическим и мелодийным – вот задача, вставшая перед творцом ленинских глав. Её можно было решать проторённым путём – 19-я и 20-я «сталинские» главки из романа «В круге первом» («Юбиляр», «Этюд о великой жизни») в сумме прототипичны построению обзорных глав «Красного Колеса»; но в них персонаж дан ещё по-толстовски, в духе сниженного Наполеона из «Войны и мира»: физиологическая жалкость немощного тела плюс безумное самообольщение властолюбца гротескно смешны – вплоть до утрированного акцента. Умный и злобный взор со стенки горного домика подталкивал к другому, более трудному решению.

«В ленинских главах впервые встречаюсь с языковой задачей, противоположной моей собственной <...> чтоб не создать неверного *фона* <...> надо выплощивать, высушивать речь – и только так приблизиться к реальной ленинской». Эта «языковая задача» была решена – именно как изобразительная, а не докучливо цитатная – благодаря художническому навыку Солженицына – публициста и полемиста. Его необычайное умение хирургически вырезать из речи оппонента опорные места в их беззащитной голлизне нередко вызывало упреки в неточном, предвзятом цитировании. Между тем дело тут в интонационном монтаже, по-новому озвучивающем доподлинное слово противника. В отдельном издании «Ленина в Цюрихе» (1975) Солженицын даже даёт список источников из ленинских писаний, чтобы показать, насколько он здесь корректен. Вкладывая в говорящие уста исторических персонажей цитаты из их письменности – справедливо считается литературным моветоном, бичом слабых книжек из ЖЗЛовской серии. Солженицын перелетает через эту опасность, как на крыльях; у него получается! «Живо, подвижно» – звучат в одном месте слова, как указание исполнителю на нотной странице. Задавая речам и мыслям Ленина бый темпоритм, рваную, судорожную перечислительность, Солженицын, сохранив присущий им бескрасочный лексикон, превратил их в живой абрис устройства личности, в личную *мелодию* своего Ленина. «Почти вся жизнь, половина каждого дня – в этих нескончаемых письмах, никто не живёт рядом, единомышленники рассеяны по всем ветрам, и надо издали держать их, стягивать, управлять ими, давать советы, расспрашивать, просить, благодарить, согласовывать резолюции (это – с друзьями, а всё ж это время не прекращать острейшей борьбы с толпами врагов!) <...> Обсытаться проектами статей, корректурами, возражениями, поправками, рецензиями, конспектами, тезисами, чтением и выписками из газет, целыми повозками газет...» Как видим, ни тени сарказма, скорее даже некое сочувст-

вие, так сказать, «вхождение в положение» субъекта этого внутреннего монолога, – а между тем поток *такого* сознания наводит оторопь, смешанную с изумлением: неужто так и влияют на ход истории – вот так, «от резолюции к резолюции»?

В том и загвоздка, что Ленин, в этом ближайшем срезе представленный кипящим в действии пустом, между тем явлен «центральной фигурой нашей истории»², Ленин у Солженицына и сам сознаёт эту свою центральность: «А он – не левый-левый фланг социал-демократии, а центр событий, этого ещё не поняли» («Апрель Семнадцатого»).

Сидящие в этом зале наверняка помнят, что само ее ультрасимволическое название отсылает к фигуре Ленина. «Большое красное колесо у паровоза, почти в рост» – колесо того паровоза, который увезёт Ленина из Поронина в Швейцарию, где, следуя послесловному замечанию Солженицына к отдельному изданию цюрихских глав, совершатся «события, определившие ход XX века, но <...> старательно скрытые от истории...» И в той же 22-й главе «Августа Четырнадцатого»: «Крутится тяжёлое разгонистое колесо – как красное колесо паровоза, – и надо не потерять его могучего кручения. <...> Как будто кому-то посылно схватиться руками за разогнанное паровозное колесо»³.

Ленину *по пути* с этим кровавым паровозом Мировой войны, обязанной перерасти – по озарившей его, в пути же, на чемоданах, мысли – в войну гражданскую, куда его доведёт ещё один, немецкий паровоз. *Не он разогнал красное колесо, но он его оседлал.* И Солженицын прослеживает эту узурпацию истории шаг за шагом, не выпуская захватчика из поля своего внимания ни в один из отмеренных сроков.

Каковы историософские грани ленинского портрета в эпопее? Уважаемый Жорж Нива в некрологической статье для № 137 «Континента» пишет: Солженицын «думал, – болтовня и трусость Февральской революции 1917 года в России. Не Октябрьская революция, не Ленин, о котором давно говорили, что у него есть общие с Солженицыным черты и потому у писателя он пользуется скрытой индальгенцией, а Милоков, генералы, шкурники...» Не слишком понятно, принадлежит ли это суждение «давно говорившим» («Эта книга [«Ленин в Цюрихе»] написана «близнецом» и написана с каким-то трагическим восхищением». – О. Александр Шмеман) или самому исследователю. Но как то бы ни было, историософия «Красного Колеса», куда сложнее, чем подытожено в приведенной фразе Ж. Нива. В том числе – применительно к фигуре Ленина.

Стратегия – отнюдь не сильная его сторона. События четырнадцатого – семнадцатого годов, решающие из которых он не предвидел, «проморгал», но с невероятной быстротой изловчился использовать, – эти события вообще не направляются согласно чьему-либо стратегическому плану. Можно ещё раз вспомнить есенинское: «рок событий», – а для верующего человека: Божье поущение за ис-

торические грехи. (Это не значит, что все те, кого этот рок вовлекает в свое движение, были бессильны и потому невиновны – от Государя до фигурантов Февраля. Солженицын – не фаталист; например, и его Воротынцев, и его Ленин знают, что затормозило бы качение Колеса – вовремя заключённый сепаратный мир между двумя империями. И это не единственный момент, когда атрофия воли ответственных за Россию лиц открывает дорогу для злой воли её разрушителей...) Итак, Ленин стратег никудышный. Но – гениальный тактик, *гений въезда в историю на чужих спинах*, гений обнаружения наималейшей щели в монолитах социальных структур и организаций, куда можно вклиниться и, расколов, протиснуться к своей цели. Он – крот Истории (любимое выражение Маркса, а может, и Гегеля, из Гамлета: «Ты хорошо роешь, старый крот!» – и недаром мелькает сравнение Ленина, сидящего в своей комнате на Шпильгассе, с норовым зверьком).

Солженицын блистательно разгадывает сквозной принцип ленинской победоносной тактики и не устаёт предьявлять его читателю. Принцип этот парадоксален: всегда оставаться в меньшинстве! И даже – всегда оставаться одному! Тактические преимущества здесь понятны: меньшинство всегда атакует, большинство вынуждено обороняться и уступать пядь за пядью; одиночество же, отсутствие союзнических обязательств, – развязывает руки и позволяет по собственному отбору («как гипнотизёр, переливаешь ток своей воли в того, кто будет действовать...») сколотить группу захвата – собственно, она и есть «партия нового типа». Но за этой разгадкой кроется очередная загадка: как может быть успешна такая рискованная тактика, тем более, проводимая систематически, как тут не сорваться и не потерять разом всё? Недаром «традиционные» социалисты колют словом «бланкизм».

Разгадка лежит за пределами рациональной изворотливости Ленина; сюда вторгается метафизика истории. У Солженицына Ленин, повторю, – «человек судьбы», «муж судеб», и потому-то – «центральная фигура». Это выражение – *l'homme du destin*, – имеющее античные корни, прилагалось чаще всего к Наполеону (в том числе и в пушкинских стихах; у него же – к Петру: «О мощный властелин судьбы!»), и христианин Честертон как раз предостерегал от увлечения «тёмной мистикой человека судьбы». Вот и Ленин видится зомбированному им Саше Ленартовичу «сверхчеловеком», да и сам Троцкий вынужден признать: «Всюду берёт как имеющий власть» (эта произвольная цитата из Евангелия не в Троцком уже, а в нас возбуждает мысль об «антихристе»). Появление вождя в Петрограде, во дворце Кшесинской, дано на контрасте между его «непредставительной», «негероической» человеческой оболочкой (глазами того же Ленартовича – одна из самых жёстких зарисовок внешности) – и тем сверхличным, чем эта оболочка наполнена: «... что-то более сильное и горячее, чем сам Ле-

нин дуло через него как через трубу – и подхватывало лететь! И не страсть в голосе, нет, а как будто неотклонимо шла и прокладывала себе дорогу какая-то мощная машина». Такова двойная атрибутика человека судьбы. Вихрь, ветер, дующий в его паруса, сила, прокачиваемая через него, – то, что его подхватывает при «бланкистском» прыжке очертя голову и не дает упасть (вспомним одно из искушений Христа) и что ему не принадлежит как личности (даже в убогие дни Цюриха примечен «косо-крылатый» Ленин, – «вот взлетит сейчас над площадью»). И то, что входит в *личный* инструментарий такого избранника: машинная неуклонность, отсутствие какой бы то ни было моральной рефлексии, даже цинизма. В своем очерке из «Литературной коллекции» Солженицын выписывает из романа Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» понравившееся ему выражение: «Острый запах судьбы вокруг человека». Мало кому известный человек, распространяющий вокруг себя этот запах тёмной харизмы, в считанные недели становится и в обывательских, и в интеллигентских, и в мятежных петроградских кругах «модой» и «сенсацией» (слово «сенсация» повторено анализирующим апрельскую обстановку Солженицыным не один раз). После этого Октябрь семнадцатого, действительно, уже предreshён, и автор с полным правом ставит точку, ограничиваясь конспектом дальнейших событий, не исключая едва не ставший поворотным июльский кризис.

О. Александр Шмеман, чья прикованность к личности и творчеству Солженицына надолго останется источником наших размышлений, восторженно оценивая художественную силу ленинских глав, тем не менее, совершает ошибку. Он принял изображение Ленина за портрет *психологический*. И тут действительно мог найти черты сходства между автором и его объектом. Речь не только о процессе таинственного художнического перевоплощения и избирательного использования своего внутреннего опыта как материала для образа («Я из сердца взял его» – Достоевский о Ставрогине, что, естественно, вспоминает Людмила Сараскина в своей биографической книге; «Мадам Бовари – это я», – приходится верить и Флоберу). Нет, того больше: между человеком судьбы и посланцем высшей, противонаправленной Силы – между носителями разного рода и з б р а н и я – не может не быть совпадающих психических точек. «Наибольшая плотность усилий, ведущих к цели»; страх «бесцельной потери времени», когда заболеваешь «от одного потерянного часа»; когда «собственный, даже малый просчёт, днём и ночью сжигает»; особое отношение к прогулке как к энергообеспечению – всё это характерно солженицынское, без колебаний переданное автором Ленину. Но, повторю, всё дело в том, что в эпоху дан не столько психологический (как преимущественно в других случаях портретирования), сколько антропологический и онтологический портрет роковой персоны. То есть портрет, диагностированный духовно.

Отец Шмеман с удовлетворением отмечает, что Солженицын – не «мистик». И это справедливо: он не перескакивает в поисках надмирной аргументации, упрощающей задачу анализа, через земную данность. Тем удивительней то, что у него, так сказать, само получилось («это дивное ощущение, когда “всё само начинает вязаться”», выплывает то, чего «я не подстраивал» – из «Дневника Р-17»). Так *сама получилась* смыслонагруженная топография ленинской внешности. Автор «Красного Колеса» стремился к минимуму описательности, минимуму традиционной изобразительности исторических романов а-ля Алданов, но что-то понуждало его снова и снова, сменяя преобладающую подачу изнутри на взгляд извне, будь то взгляд повествователя или очевидца, выкладывать, словно, мозаику, *состав облика*. При неподвижной нижней части лица, изредка мимически тревожимой чем-то вроде усмешки, и «упрятанных» глазах, в чей взор нельзя проникнуть, как в острие шила, важнее всего оказывается архитектура верха, головы, как бы ушедшей в лоб. Это главный штаб ленинской, если воспользоваться выражением Петра Струве, «инфернальной политики», котел, где она варится. И этот по-всякому примечаемый автором купол головы становится символическим лейтмотивом ленинского существа, ленинской начинки: «лоб, котлово наклонённый», «лысота непроницаемого котла», «катал и катал шар головы...», «огненные вихревые спирали, провинчивающиеся в мозгу», «кубышчатая лысая голова»; «Губы его под тёмно-рыжим накладом усов не выражали ничего, а весь центр и важность головы поднялись к раздутому куполу, и уши послушно прилегли к нему, не выдаваясь собою отдельно». А когда Ленин в унынии или растерянности, он клонит тяжёлую голову ниц или даже как бы роняет её рабочую часть: «...голова утопла в плечи<...>. И нос придавленным своим передом выставлен вперёд».

Но этот огнедышащий мозг уже тронут гнемом, столь же преисподним, как и вращающиеся в нём замыслы. «... У левого виска была пустотка»; «...Голову носил Ленин как самое драгоценное и больное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных аргументов – аппарат этот низкой мстительностью природы был болезненно и как-то, как будто, разветвлённо поражён <...> Вероятно, как прорастает плесень в массивном куске живого <...> налётом зеленоватой плёнки и ниточками, уходящими в глубину...» Это не «физиологическая критика» ленинской телесности, как было, опять-таки, с Наполеоном у Толстого и со Сталиным в «Круге первом». Ленин такого рода «разоблачению» не подвергается; телесные процессы его тактично обойдены и даже, как бы к его чести, несущественны; «ему можно было и мало есть, в нём энергия вырабатывалась почти и без еды». Нет, это спроецированный в ткань неуточняемой болезни духовный провал, «пустотка», бездна, которая его в конце концов по-

глотит – победителя, но «приговорённого преступника».

Ещё одна доведённая до символа внешняя черта солженицынского Ленина – его монголоидность. О ней нередко говорилось в исторической ленинине, хотя Валентинов, отметивший как распространённое общее место это впечатление, пишет, что внешность Ленина показалась ему средневожжско-русской. Солженицын настойчив в выделении этого элемента: «выплеск взгляда разящего из монгольских глаз, и голос, лишённый сочной глубины, зато режущий, ближе к сабле калмыцкой»; «хитродобродушный азиатский оскал»; «улыбнулся, как калмык на астраханском базаре, хваля арбуз»; «закованное азиатское лицо с реденькой рыжей бородкой»; «калмыцко-монгольский застывший взгляд». Как истолковать этот нажим в линиях антропологического портрета? Можно, в первую очередь, подумать, что для Солженицына тут важнее всего чуждость Ленина России, этой «рогожной», «вечно-пьяной» стране с «невоспламеняемыми дровами». «Ленин был струна, Ленин был стрела» – таким виден он себе, да и автору. В сознание Ленина вписана досаждающая его мысль о четвертушке русской крови, которую он не ощущает как родную. (Думаю, Ленин всё-таки понимал себя русским, что, конечно, не мешало его ненависти к традиционной России, между строк сквозящей и в написанной в начале Мировой войны лукавой статье «О национальной гордости великороссов», кажется, не отмеченной его антиподом.) Но «монгольский» мотив имеет более глубокие основания. Он звучит предостережением от воскрешаемого ныне евразийского приятия Октября и Ленина (о каковой тенденции, кстати, упоминала Рената Гальцева в своём докладе 1990 года «Ленин и Россия»). Эта степная стрела пущена в сердце оседлого русского бытия, – даёт почувствовать Солженицын, чуждый «евразийского соблазна».

Не к области психологии, а к особому антропологическому типу относится у Солженицына и специфическая *психомоторика* Ленина. Невыносимость для него состояния физического покоя, когда «никакого простора бегать ногами», – один из признаков того, что в христианской аскетике называют одержанием. Во время перерыва в цюрихском библиотечном зале «Ленин взялся быстро ходить по прямой, по самой длинной центральной прямой здесь <...> в этом быстром настигающем хождении, шагом охотника...»; с «движениями ёрзкими, суетливыми»; с перекидчивым оборотничеством: «как всегда без инерции, мгновенно и без остатка, покинул прежний настрой и обернулся в новый», – делающим его неуловимым в слове и действии. Даже газетный репортёр, возможно, и не читавший «Бесов», и не помнивший о Петруше Верховенском, зарисовывает: «... характерная голова и беганье по трибуне, ни минуты не может стоять спокойно, а всё время бегают и скачат».

Это уже Ленин, так сказать, окончательный, после совершившегося в нем нового рождения,

или своеобразного грехопадения. При всём единстве образа, в Цюрихе мы видим до известного момента одного Ленина, а по прибытии в Петроград – уже чем-то другого. Тот Ленин, что был болезненно-драматически подвержен переходам от возбуждения к унынию и обратно, сжатию и распрямлению душевной пружины, что пасовал перед своей зависимостью от Инессы Арманд и столь человечно поддавался шёпоту ревности, тот, кто бродил по альпийским горным тропам, и красота ландшафта прорывалась даже сквозь его безлюбовый взор (ибо введены эти пейзажи не совсем «от автора», а и в соприкосновении с сознанием центрального лица), кто ещё мог остудить внутренний мотор, глядя с моста на покойную холодную воду реки, – такой Ленин навсегда умирает, чтобы воскреснуть в виде человека-бомбы в немецком вагоне и на броневике Финляндского вокзала. Перерождение же совершается в ауре Парвуса. Это глубоко интимный акт, при котором сам Парвус, как помните, физически не присутствует.

Из «Дневника Р-17» мы узнаём, что писатель именно ради того, чтобы не жертвовать буквой исторической достоверности, за которую чувствовал себя ответственным, решил ввести фантазмагорическую сцену. В октябре шестнадцатого Ленин и Парвус не встречались, но готовность Ленина поступиться «честью социалиста» (то есть своей идейной репутацией в международных левых кругах) и воспользоваться помощью воюющей против России империалистической державы вызревала именно тогда, при обдумывании «плана Парвуса». Плана того, кому – как неистовому заговорщику против самого существования России – Солженицын отводит огромную роль в сложении событий семнадцатого года. Парвус тут мог бы, как Пётр Верховенский, воскликнуть: «Я выдумал первый шаг. Никогда Шигалёву (то есть социалистам-прожектёрам. – *И. Р.*) не выдумать первого шага». Ленин же, определив точнее Парвуса будущий нужный час, подхватил этот «первый шаг» как равный, но ещё более изощрённый и осмотровый соавтор.

И вот писатель, воспроизводя это «соавторство», предпочитает правдоподобной выдумке (какую, возможно, выбрал бы Тынянов, рекомендовавший давать волю воображению там, где кончается архивный факт)⁴ – ирреальную *невыводку*. Свою фантастическую посылку он в том же «Дневнике», как бы извиняясь, называет «лёгкими декорациями», способными, не исключено, вызвать улыбку у читателя: не гаснущая без подлива керосина лампа, Парвус, всей тушей выпрастывающийся из баула своего курьера, доставившего письмо с пресловутым «планом». Но получились не «легкие декорации», а тот самый «реализм в высшем смысле», какого добивался Достоевский, вместо улыбки пронизывающий нутряным ужасом. Солженицын произвольно стал на рельсы исконной традиции, которую Михаил Булгаков в своём случае исполь-

зовал осознанно, – явление демона уже готовому к падению или падшему человеку: Мефистофеля – Фаусту, чёрта – Ивану Карамазову.

Да, Ленин у Солженицына – человек судьбы, то есть орудие попущенного «рока событий», но всё-таки человек. Парвус – хотя его появлению сопутствует внимательнейший историко-биографический экскурс на манер «обзорной главы» – Парвус, явленный Ильичу, так сказать, в своём астральном теле, – нечеловек. Баул, из коего ему предстоит полуматериализоваться, очертаниями напоминает корпус свиньи, нечистого животного, в которое некогда были впущены бесы. Изумительна своей ненавязчивой символикой, кошмаром, данным в ощущении, мизансцена: эти двое на старенькой аскетической кровати в комнатке Ульяновых, и Парвус необъятным боком теснит, теснит Ленина под скрип расшатанных пружин. «Навязывал, вкачивал свою бегемотскую кровь!» Помнил ли автор, когда писал это, что Бегемот – один из средневековых демонов, знать мне не дано, но такое «переливание крови» сродни антипричастию; да и сам Солженицын в «Дневнике Р-17» подытожит то, что «неподстроено» получилось: «дьявольский дуэт».

Мне чудится, в «Марте Семнадцатого» запечатлён самый миг завершившегося обесчеловечения Ленина – миг, не побоюсь сказать, высоколирический. При первых, застигших врасплох, вестях и слухах о Февральской революции, гонимый сомнениями, прокручивая в большой голове срочные варианты тактики, – он, как всегда, даёт напряженные ногам и совершает крутой подъём на Цюрихберг, с отворачиванием минуя скопления богатых вилл и пробираясь лесными тропами в высоту и тишину. «И тут же из тёмного леса, в послезакатной уже неполноте света, показалась женская шляпа, притянутая лентой, – затем сама женщина в красном – и светло рыжая лошадь – Инесса?!.. <...> хотя никак было невозможно. <...> Да тут главной красавицей сознавала себя лошадь – из светло рыжей даже жёлтая, лощёная, уборно заузdana, переборчиво ставила стаканчики копыт. А всадница сидела невозмутимо или печально, смотрела только перед собой под уклон дороги, не покосилась ни на обелиск, ни на дурно одетого, внизу к скамейке придавленного, в чёрном котелке гриба.

И он присидел, не шевельнувшись, разглядывая её лицо, чёрное крыло волос из-под шляпы.

Если вдруг освободить мысли от всех необходимых и правильных задач – ведь красиво! Красивая женщина! <...> Она проехала вниз, там дорога вернула – и только ещё копытный перебор доносился немного.

Проехала, что-то ещё отобрала – и увезла».

Для меня этот эпизод – одно из избраннейших мест русской прозы (привожу с небольшими сокращениями). После этого видения, знаменующего иную жизнь, иное, навсегда отобранное отношение к ней, мы уже встретим только Ленина-функцию: комету, увлекающую за собой в хвост, кукловода,

дёргающего адептов за «невидимые нитки», трубу, в которой гудит неопознанная сила. Человека, как ков бы он ни был, больше нет.

Хочу обратить внимание на то, что Ленин не только не вычерчен по лекалам солженицынской «идеологии» (ежели таковая уяснима из публицистических сочинений писателя), но и сама ленинская идеология, то, что зовётся *ленинизмом*, писателя интересует в гораздо меньшей мере, чем можно было ожидать. Кое-что означено: ненависть к религии и Церкви (не выносит колокольного перезвона даже в Цюрихе); отвращение к роскоши, или к тому, что ему представляется ею («буржуазность»), и вообще ко всякому непотревоженному достатку («мелкобуржузность»); рядом с прозаической неразборчивостью практики отвлечённо-романтическое отношение ко всем свирепо-революционным предшественникам – от Спартака до, в особенности, яacobинцев и Парижской Коммуны; неприятие нормального землевладения и радикальное недоверие к крестьянской массе, к её укладу (непременно – «Советы *батрацких* депутатов!»); наконец, о чём уже говорилось, война на уничтожение традиционного российского менталитета и всей вообще национальной органики. Но всё это – не скрепы ленинского портрета, а штрихи на нём вскользь.

В основе же – необъяснимое никакими идеологическими и политическими выкладками восхождение к верховной власти человека, давшего овладеть собой метафизическому злу. Ленин, казалось бы, разгаданный изнутри, у Солженицына всё равно остаётся и даже нарочито отставлен за а г а д к о й . Её разрешение – во всём ходе русской истории, не только прошлой, но и будущей; мы ещё до этого разрешения не дожили. Быть может, она вообще неразрешима по сию сторону бытия, даже для выигравшего «земное соревнование» с протагонистом..

А что по ту сторону, нам знать не дано, – разве вот что: ныне между автором и его избранным персонажем, как сказано в Евангелии от Луки, «утверждена великая пропасть» (16:26) и второй, оказавшийся не в силах помешать первому здесь, бессилен сделать это и там.

¹ О. Александр Шмеман именует Солженицына антиидеологом и визионером, и мне приятно вспомнить, что я независимо от него произнесла те же слова в докладе 1991 года «Уроки четвертого узла».

² Как уместно процитировала слова самого автора Н. Щедрина в своей статье «Природа художественности в “Красном Колесе”» (в сб.: «Между двумя юбилеями. 1998 – 2003», с. 485).

³ Автор ещё будет подкреплять этот символ в других обстоятельствах и масштабах. Например, колечко из красной резины на столе Гиммера-Суханова («Март Семнадцатого»): «...Оно кружилось, как пропеллер аэроплана. Вытягивалось, расширялось – откуда брался такой охват? И мелькало как сплошное, красное».

⁴ Точно так же Солженицын, твёрдо предполагавший не оставившую документальных следов важную встречу Ленина с Парвусом в Швеции, по пути в Петроград, тем не менее, не взялся её описывать – не доверился услугам одного лишь воображения.

Рената Гальцева

Солженицын: пророческое величие

Среди всех современников века нет никого, кто мог бы оспорить звание человека XX столетия у Александра Солженицына. С его беспрецедентной судьбой может лишь отдаленно сравниться жизненный путь другого великого каторжника, Достоевского, – как может сравниться царская каторга с адскими безднами Гулага, в соответствии с тем, – насколько вообще XX век злее века XIX.

Мы знаем, что Солженицын крупнейший писатель, неожиданный, казалось бы, для перевалившего к концу этого века представитель и последователь великой русской литературы, свидетель его; и не только писатель и свидетель, но и – учитель и пророк. Но учитель учит, а пророк обличает. Чем он учит и что обличает? В какой век попал?

Александр Исаевич отводил от себя звание пророка – самому человеку не с руки признавать за собой подобный статус, да и как-то нет нужды вообще размышлять об этом, – но пророческая миссия была вторым, равновеликим художественному, его призванием, и неотделимым от последнего. Исходя из классического определения Владимира Соловьева, данного в статье «Когда жили еврейские пророки?», пророк – это такой «единичный избранник», носитель высшего религиозного сознания, который «обличает и судит действительное состояние своего народа как противоречащее» идеалу и «предсказывает народные бедствия как необходимое последствие такого противоречия» и, наконец, «самим своим явлением и деятельностью предсказывает выход из этого противоречия в ближайшей будущности народа, именно через признания им этого высшего сознания и подчинения ему». В этой формуле трудно найти что-нибудь выходящее за пределы возможностей А. Солженицына, что-нибудь чуждое его задачам, постороннее ему. Напротив, его профетический охват даже вышел за пределы национального кругозора библейских избранников (да простят они меня!) в изложении Соловьева, трактовавшего роль пророка как национального просветителя, вождя своего народа; Солженицын оглядывал сразу весь мир, его заботой было все человечество. С центром, конечно, в России. – Хотя привычно изображать А. Солженицына как сугубого предстателя России, национального, а в пристрастном, широко распространенном случае – националистического идеолога. Мы увидим, так ли это.

Какие же язвы обличал он, и оправдались ли его предсказания?

С первого публичного выступления, Нобелевской лекции 1969 года, посвященной роли искусства и литературы, писатель (анализируя нынешнее их состояние) задается вопросом, «могут ли они на

деле помочь сегодняшнему миру» «в его раскаленный час», перед лицом нарастающих деструктивных сил, «полных решимости сотрясти и уничтожить цивилизацию». Как обычно, с напряжением и страстью он стремится вдохнуть веру в высокое предназначение писателя, в его «объединяющую силу: «не заглядываться на самого себя, не порхать слишком беспечно», не уходить «в пространства субъективных порывов», отдавая «мир в руки людей корыстных, а то и ничтожных, а то и «безумных», а выйти на бой! Прошло не так много времени, открылись шлюзы, и новоявленные романисты и стихотворцы теперь уже в России бурным потоком сами влились в ряды перечисленных категорий. Сокрушительное воздействие на жизнь со стороны художественного авангарда («сотрясательная революция»), не откликнувшегося на обращение Нобелевского лауреата, будет предметом его постоянного горестного размышления.

Но он видит страшную опасность для всего человечества и с другой стороны. Предвидя участь, которая ожидает свободный мир, играющий в поддавки с советской Россией с первых дней ее существования, Солженицын призывает его очнуться, увидеть, наконец, близкий край пропасти, к которой подвел пораженческий курс; он не устает стучаться в глухие двери западных правительств. Прослеживая историю их отношений с коммунистическим режимом, писатель в своих многочисленных речах и публичных статьях (а публицистика и есть наш предмет) сразу по приезде на Запад¹ развертывает чудовищную картину предательства свободы, цепь уступок и отступлений, «отдачу страны за страной», выдачу Сталину на погибель полутора миллиона человек... «Положение в мире, – заявляет он с пророческой убежденностью, – не просто угрожаемое, положение в мире ка-та-стро-фическое».

Почему же не случилось прямой катастрофы и мир не соскользнул в пропасть в своем трусливо-истерическом упоеании разрядкой? Потому что – о победа! – глас не оказался вопиющим в пустыне, призывы и предупреждения не остались безответными: его страстной и убеждающей силе вняла главная власть западного мира – высшая американская администрация сменила орала расслабляющего детанта на мечи мобилизующей гонки вооружения. Можно предположить, что сама формула «империи зла» применительно к коммунистической системе родилась под влиянием солженицынской дефиниции «организованного зла». И не только властные верхи, но и радикальные интеллектуалы Европы, запевалы вчерашнего студенческого бунта под знаменами Маркса – Мао – Маркузе после знакомства с вестью из другого мира, принесенной

русским изгнанником, явили чудо перевоплощения. Среди бесконечной череды во Франции все «новых и новых левых» вдруг предстали «правые», «дети Солженицына» – группа так называемых «новых философов», явившая собой аналог знаменитых российских «Вех».

Удачливый пророк – это пророк Иона, чьи предсказания не исполняются, потому что выполняются его призывы, внимают его предупреждениям. Однако нет пророка в своем отечестве. «Письмо вождем Советского Союза», к которым он обратился почти без надежды на успех, но все же не без надежды на чудо – прорваться через железную броню идеологии (а вдруг? тоже ведь люди!), было ими проигнорировано. Обращение к интеллектуальным оппонентам власти, диссидентам, «братьям по классу», казалось бы, естественным союзникам Солженицына, вызвало град камней в его сторону. Повторилось то же, что и с авторами «Вех» в начале века.

Вступив в борьбу с коммунизмом, он внезапно стал бойцом на два фронта; выйдя на битву с тоталитарным режимом, оказался также перед сплоченным строем своих несбывшихся союзников. Мы знаем, какой яростной атаке подвергся – и не перестает подвергаться – Солженицын со стороны известных своей оппозиционностью к режиму, в том числе и потерпевших от него инакомыслящих, казалось бы, повторюсь, естественных единомышленников бывшего узника ГУЛага, заслуженного врага их общего противника.

Что же вызвало к нему такую, по определению самого писателя, «дружную, сосредоточенную ненависть» («звериную», по впечатлению соприкасавшегося с эмигрантской средой о. Александра Шмемана)? Вот эти характеристики: «Аятолла», «Великий инквизитор», «одинокий волк» «неосталянист», «капитулянт перед тоталитаризмом», «проповедник аморальности» и т.п., наконец, «основатель нового ГУЛага». «Но даже этих, кажется уж высших, обвинений им казалось мало, – заметил Александр Исавич, – и стали лепить больше по личной части». И до сих пор не появилось в нашей идейной печати никакого расчета с таковой позицией и с исторической ролью этих воителей (Б. Шрагина, П. Литвинова, Л. Плюща, Г.С. Померанца, Е. Эткинды, В. Чалидзе, Алтаева, «шустрой пары» – А. Синявского с М. Розановой и вообще целиком журнала «Синтаксис» и др.); не подведено никакого итога этому противостоянию. «Сколько лет в бессильном кипении советская образованщина шептала друг другу на ухо свои язвительности против режима. Кто бы тогда предсказал, что писателя, который первый и прямо под пастью все это громко вызвездит режиму в лоб, – эта образованщина возненавидит лютее, чем сам режим»².

А дело в том, что у них с Солженицыным оказались разные конечные цели, разные, как говорится, ценностные приоритеты. Писатель мечтал о том и работал на то, чтобы Россия не только высвобо-

дилась «из-под глыб» коммунизма, но и вернулась к себе, возродилась и вышла на исторический, органический, оздоравливающий путь. Для его противников же Россия – это безнадежная страна «Иванов и Емель», христианство ей вообще не привелось, «духовная структура» русских унаследована от монголов, и далее в таком же роде. И тут обнаружилось, что для диссидентских идеологов (не реально действующих правозащитников!) – возрождение России – худший из вариантов; что Россию они ненавидят также «лютее, чем сам режим», и они заранее предупреждают Запад, что опасность русского возрождения «для всего человечества ... станет еще страшнейшим тоталитаризмом». Писатель стремится устранить чреватую для России и для мира аберрацию, вносимую в мировое общественное сознание алармистской пропагандой наших диссидентов, тут же подхватываемую и распространяемую левой прессой. С неопровержимой доказательностью, на бесконечных фактических примерах он не устает демонстрировать злостную предумышленность гигантского кома обвинений из махровой лжи, вдохновляемую «звериной ненавистью» к России (впечатление о. Александра Шмемана). «...Вот, – пишет Солженицын, – приезжают на Запад “живые свидетели” из СССР и вместо распутывания западных предрассудков – вдруг начинают облыжно валить коммунизм на проклятую Россию и на проклятый русский народ. Тем усугубляя и западную беспомощность против коммунизма. И здесь-то и лежит вся трагедия между нами» (с. 135).

Как и его идейные предшественники, создатели «Вех», он призывает новую интеллигенцию опомниться, осознать последствия своей активности, ибо она не только вколачивает гвозди в гроб своего отечества, но и разоружает перед наглой силой любезный им свободный мир. Но так же, как никакой метанойи не способна была пережить не только ревдемократическая, но и либеральная интеллигенция прошлого, так и нынешние передовые либералы с негодованием и оскорблениями отвергли звание к ним Солженицына. В конце концов, он не выдержал и даже прямо призвал: «Опомнитесь, господа! В своем недоброжелательстве к России какой же вздор вы несете Западу?».

А ведь ясно: то, что его аргументы и предупреждения, отвергнутые диссидентской партией, роковым образом отозвалось в той путанице понятий и взглядов, которая и ныне бытует в нашем общественном мнении, обществоведении и политологии. Да вот хотя бы одна только теория «единого потока русской истории»: не давая очистить взгляд на прошлое, настоящее, а следовательно, и на будущее, она лишает нас исторической перспективы. Подлинно трагическую роль сыграло это деятельное недоброжелательство к России на формировании ее нынешнего самосознания, так и на политическом положении в мире, работая на отчужденное и опасливое отношение к ней Запада.

Солженицын вступил в противоборство с тем же самым – точнее, с продвинутым вариантом того же самого «ордена интеллигенции», с которым боролись и которого убеждали, призывали, просвещали, наконец, увещевали авторы «Вех». Один из них, С.Н. Булгаков провидчески писал, что «душа интеллигенции есть ... ключ к грядущим судьбам русской государственности и общественности». В «Предисловии» к сборнику было сказано: «Путь, которым до сих пор шло общество, привел его в безвыходный тупик. Наши предостережения не новы: то же самое неустанно твердили от Чаадаева до Соловьева и Толстого все наши глубочайшие мыслители. Их не слушали, интеллигенция шла мимо них. Может быть, теперь разбуженная великими потрясениями (революцией 1905 года – Р.Г.), она услышит более слабые голоса»³ («Вехи», с. 4). Пробуждения, как известно, не случилось. «Безвыходный тупик» не миновал России – в 17-м году. Традиция противостояния продолжилась.

Их было семеро. Он был один. Они сражались с «душой интеллигенции», о которой писал Булгаков; он – непосредственно с материализованным последствием глухоты этой «души», с взошедшей на ревдемократической и леволиберальной закваске тоталитарной системой, затем с этой вот интеллигенцией в новом изводе («образованщиной», как нарек ее Солженицын), наконец – со всем миром, с духом века сего.

Подумать только, в какую всемирно – историческую битву ввязался одиночка из советской провинциальной среды, без семейных и служебных тылов (хотя и они тут не в помощь) – только с Гулагом и смертельной болезнью за плечами?! И победил. Все это, вместе с невероятным излечением – чудо и избрание. И не зря враги нарекли его «одиноким волком».

Несмотря на пришедшую вскоре мировую славу и поистине всенародную любовь, он мог ощущать себя таковым даже среди ближайших и преданных людей. Гений слишком недвусмыслен, слишком отважен умом, чтобы эту четкость всегда могли разделить люди, пусть и одаренные... Он слишком обделен временем, чтобы в этот ритм могли включиться другие. Бывает, огорчаешься, читая «Дневники» замечательного проповедника и богослова о. Александра Шмемана, поклонника произведений Солженицына, встретившего в Европе писателя с великим пиететом и сердечностью, а в дальнейшем – приходившего подчас в смущение от его бескомпромиссности в вопросах, касающихся отношения к отечеству и путей мировой цивилизации. О. Александр Шмеман – автор ряда существенных статей о Солженицыне⁴ Познакомившись с «Архипелагом», о. Александр писал об авторе: о «поразительности его явления, глубины, высоты», широты охвата. «Удивительный, грандиозный человек. По сравнению с этим пророчеством все остальное выглядит как потемки, растерянность и детский лепет»; у него «дар изгонять бесов», – записывал ав-

тор «Дневников» свои впечатления от «Письма вождам».

О.Александр цитирует письмо Н. Струве от 22 февраля 1974 года, с которым, как замечает адресат в другом месте, «наше согласие нерушимо», передавая «ошеломляющее» впечатление от встречи с Солженицыным, от трехдневного пребывания вместе с ним: «Он, – писал Н. Струве, – как огонь, в вечной мысли, внимании, устремлении при невероятной доброте, ласковости и простоте... Такого человека в русской литературе не было, он и не Пушкин (нет и не может быть той надмирной гармонии), и не Достоевский (нет той философски-космической глубины – вероятно, точнее было бы сказать целенаправленного «углубления» – Р.Г. – в подвалы человека и вверх ко Христу), он Солженицын – нечто новое и огромное, призванное произвести какой-то всемирный *катарсис*, очищение истории и человеческого сознания от всевозможных миазмов... В некотором роде он визионер...».

Но вот разгорелась схватка с русской диссидентской средой, и о. Александр уже готов признать, что (в области конкретизации идейных позиций) «не всё так однозначно», говоря современным клише. «Я стою между двумя правдами – большой (о которой пишет Никита мне и с которой я согласен) и “малой”, человеческой. По-человечески я понимаю обиду “диссидентов” на Солженицына, а когда смотрю “выше” – вижу правду Солженицына, даже по отношению к ним, к их интеллигентской гнильце и разложению, к этому “гуманизму”» Так выходит правда-то их «гнилая», тхни и развалится? Что ж колебаться подле нее... Тем более, кто на кого должен обиду держать? Ведь именно диссидентский лагерь начал фронтальное наступление против него, вышел первым с разномос России.⁵ Между тем, о. А. Шмеман даже задумывается своим замыслом со своим другом Н. Струве, соорудить сборник («Единое на потребу»), в котором «мы бы ответили и “Из-под глыб”, и “Континенту”, и литвиновско-шрагинской “фракции”», чтобы «поставить все на свои места во взлохмаченном снова мире “русской проблематики”». Вот какой будет «проплыв» между двух берегов (как, мне кажется, не против был бы выразиться Александр Исаевич)! Однако задумке не суждено было сбыться. Вместо всеразрешающего «Единого на потребу» в 1979 году в «Вестнике РХД (№130)» появляется статья о. Александра «На злобу дня», в которой автор недвусмысленно и мужественно реагирует на ситуацию, когда «один за другим появляются, как в русских, так и не русских изданиях варианты, хотя и разными людьми составленного, но единого по духу “обвинительного акта”, предъявляемого сейчас Солженицыну... Цель у всех одна: низвести автора Архипелага ГУЛАГ с пьедестала...». Один, поименованный из «фракции» обвинителей, на которых направлено внимание критика, – В.Н. Чалидзе. Основной прием ниспровергателей – метод редукции солжени-

цынской позиции, в обход всех приводимых фактов, к затверженному штампу.

Сравнивая два этапа интеллигентской оппозиции, к чьим разуму и совести взывали веховцы в начале XX века, и – этап, в конце 60-х, Солженицыну приходится констатировать «большой скачок» в мировоззрении, при сохранении преемственности двух сущностных характеристик: «отщепенства от русской истории и от русского государства» (П. Струве) и – атеистического умонастроения (С.Н. Булгаков). Конечно, до августа 1991 года можно было думать, что это было общее у нас с ними «отщепенство» – от советской коммунистической власти, оккупировавшей историческую Россию. Но вот стены рухнули, оковы пали, и мы с удивлением обнаружили, что за этими стенами открылась панорама с другими, ненавистными для нашей либеральной «орденской» интеллигенцией стенами – исторической России, требующей слома. Все помнят, как в дни августовской победы, Е. Боннер в духе воинствующего атеизма 30-х годов выговаривала Ельцину, что, если он будет так привержен российским традициям и символике, то «они», прогрессивный свободолобивый лагерь, откажут ему в поддержке. Впрочем, с выражениями их любви к России мы уже встречались. И вся дальнейшая неудача нашего расчищенного, вроде бы, пути оказалась следствием не только ситуации двоевластия (при участии невытравленных из правящих сфер коммунистов), но неотступного противодействия новых либералов.

Главная – и поразительная – новизна новой формации интеллигентского «ордена» заключалась в том, что идейно заряженный и идеологически заостренный, собственно и организовавший вокруг идеи, он (по немеркнувшей дефиниции Г.П. Федотова, характеризующийся «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей») решительно отмежевался от идеологии как таковой. После глубочайшего разочарования в коммунизме-марксизме-ленинизме она получила в западном мире волчий билет как предвестник и симптом тоталитаризма. Между тем, идеи бывают разные, и идеологии – тоже, помимо тоталитарных (их мы знаем две), есть и обычные – т. е. системы социальных взглядов, без притязаний на переделку общества «по новому штату»... Демократия же без идеологии, будучи лишена идейной охраны, как раз и становится жертвой тоталитаризма. Солженицын ссылается на яркие факты истории, когда тоталитарные системы возникают именно на почве кризиса демократии, захватывая опустошенные, дезориентированные умы своей мобилизующей и организующей идеей. Пренебрежение к идеологии выдает печальную близорукость и даже безмыслие новой генерации профессиональных интеллектуалов, их регресс по сравнению с собратьями прошлого. В таковой принципиальной деидеологизации коренится главная новизна «ордена интеллигенции» второй половины XX века.

Исследование этой формации интеллигентского сознания предпринял Солженицын в блистательном эссе «Наши плюралисты»⁶. «Плюрализм» – таково наименование (своего рода пароль на принадлежность к либеральности и демократичности) новейшей для передовой отечественной интеллигенции, по давно укоренившейся в западном общественном сознании точки зрения, отменяющей точки зрения как таковые, ибо признает их равными друг другу. «Но может ли плюрализм, – ставит коренной вопрос писатель и строго логически, и образно, – фигурировать отдельным принципом и притом среди высших? Странно, чтобы простое множественное число возводилось в такой сан». Утверждение множественности истин означает отрицание истины как таковой и оно «есть показатель нашего несовершенства, а вовсе не нашего избыточного богатства». Разнообразие как высший принцип отменяет «универсальную основу» для различения не только истинного и ложного, но и добра и зла, т. е. отменяет саму мораль. Плюрализм, таким образом, являет собой предельную версию релятивизма и аморализма.

Но это еще не все, Солженицын обращает внимание на парадокс этого мировоззрения: его свирепую, тоталитарную нетерпимость – волчью сущность, скрытую под овечьей шкурой всепримятия. «Плюрализм остается скорее лишь лозунгом, чем делом». Итак, при объявленной всеядности он не выносит возражений, ибо диктует свой категорический императив – в форме неразрешимых апорий Зенона – «абсолютная истина в том, что абсолютной истины нет».

Продолжая мысль Солженицына, приходим к неизбежному, но неожиданному поначалу выводу. Прежде всего, обратимся к истории: плюрализм имеет долгую и именитую родословную – традицию либерализма, берущего начало в эпохе античного полиса, в мысли Аристотеля, автора «Политики» – этико-философского трактата, обосновывающего гуманистическую альтернативу как социальной утопии идеального общества, так и деспотическому (тоталитарному) государству. История либерализма – это, в конечном итоге, история деволуции, вырождения политической философии: от воззрения на полис, на общество как основанное на содержательных гарантиях свободы к современной беспредпосылочной демократии, т. е. такому социальному устройству, которое регулируется механической балансировкой разнонаправленных интересов. В этой формальной процедуре постмодернистский плюрализм видит достаточное основание для обеспечения свободы, не нуждающейся будто бы ни в каком скрепляющем ценностном фундаменте. «Свобода, – обращается Солженицын к западному обществу в Гарвардской речи, – деградировала от своих первоначальных высоких форм». Причину деградации, или, по выражению автора, «ошибку» истории он, в русле христианской культурфилософии, видит «в са-

мом корне, в основе мышления Нового времени», в «миросозерцании, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось в Просвещение... и может быть названо ...гуманистической автономностью», «автономностью человека от всякой высшей над ним силы, либо, иначе» – известным термином «антропоцентризм». «Обнаженная свобода», т.е. свобода, не подкрепленная смысловым образом (свобода без истины – Р.Г.) не только «не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые», – размышляет Солженицын, вовлекая нас в этот процесс.

Размывание смысловых основ классического либерализма (в христианскую эпоху известных под именем «естественного права», или «естественного закона», отражающего закон Божественный в приложении к социальной жизни) оказалось подрывным процессом по отношению к той самой правовой демократии, чей бренд присвоили себе и от чьего лица выступают идеологи релятивистского плюрализма.

Секрет тут в двоении самого термина «плюрализм», в существовании двух разных понятий под одной обложкой: 1) это – многообразие форм гражданского общества, децентрализация властных институтов, независимость разных общественных сфер, наличие многочисленных местных сообществ и т.д.; назовем его *гражданский* плюрализм; и 2) плюрализм, о котором мы вели речь выше, плюрализм в сфере духа – уравнивание всех норм и «истин», т.е. упразднение их, ликвидация иерархии ценностей; это, скажем, *мировоззренческий*, или *философский* плюрализм⁷. Вопреки пропаганде мировоззренческих плюралистов, два этих понятия не только не поддерживают друг друга, но – из различных, даже полярных миров. Второй безосновательно спекулирует на первом, выдавая себя за его идейное обеспечение и являясь на деле его злейшим врагом, подрывным элементом. Беспредпосылочная демократия (у Солженицына есть формула: «выветренный гуманизм») все больше существует по инерции, за счет старого золотого фонда, полученного по наследству от классического, консервативного либерализма. Но гражданский *плюрализм*, т.е. разнообразие форм социальной жизни, является детищем как раз единой общечеловеческой истины и основан на ней, заимствованной из области мировоззренческого *монизма*.

Что касается идеологии плюрализма, или деидеологизма, не признающей никаких истин, мнений и убеждений, то есть у нее все-таки одно исключение, одна первая среди равных истин, это – права и свободы человека. Однако дело не только в кричащей непоследовательности этого принципиального релятивизма, но и в некотором еще одном сюрпризе, который тут заключен. Казалось бы, права и свободы человека – самая гуманная из всех возможных идей; однако, когда эти права и свободы (что в данном случае одно и то же) превращаются в единственное абсолютное начало, не терпящее ря-

дом с собой никакого другого начала, рождается тоталитарная идеология. «Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество», – обнажает Солженицын уязвимый пункт новой идеологии; он называет такую свободу «истерической» и «разрушительной».

Писатель подталкивает нас к раскрытию того, как хитроумно – сознательно или неосознанно – замаскирован этот враг и какой обман гнездится в его святая святых. Свобода для кого? – задает вопрос Солженицын, стремясь обратить взор современников к потаенной сути этой системы взглядов, и напоминает: «Права человека относятся ко всем людям, а не только к ним самим», т.е. к пропагандистам вероучения. Ведь, объявляя себя защитником прав и свобод человека, идейный авангард имеет в виду вовсе не всякого человека, – напротив, он оборачивается дискриминацией прав большинства человечества, поскольку защищает и продвигает экстраординарные, агрессивные права прогрессивного меньшинства (подобие *inner party*, по Оруэллу) за счет проверенных жизнью и вошедших в обиход традиционных прав и норм. Так, сохраняя за собой звание идеологически нейтрального, он осуществляет жесткий идейный диктат. В этом новый тоталитет смыкается со старым, с коммунистической, марксистско-ленинской идеологией, чему писатель находит естественное объяснение: оба явления имеют один глубокий корень – материалистическое мировоззрение.

Права человека, как видим, требуют другого, содержательного мировоззрения. Точно так же, как социальный строй демократии для своего достойного функционирования нуждается в положительном, ценностном фундаменте, так и обеспечение прав и свобод человека предполагает подобный фундамент и находит его в уникальной почве христианского универсализма. Именно благодаря христианской антропологии, провозгласившей право человека на существование в качестве неповторимой личности, его права и свободы приобрели такое неоспоримое, верховное место в общественном сознании и создали объединяющую социальную платформу для людей разных вер и убеждений. – Чем втайне и пользуются не помнящие родства, знаменосцы плюрализма.

Между тем, обличение Солженицыным состояния современной демократии, отказывающейся от исторического наследия, вызвало шквальный огонь критики со стороны нелиберальных поклонников постмодернистского социума. Обывательская по сути мысль образованца, бездвижная, живущая слепой верой в прогресс, отказывалась понимать профетическое слово. Тот, кто ради свободы подавленной половины человечества побывал во чреве дракона – как опять же пророк Иона во чреве кита – персоналист и сочувственник миллионам несчастных, чей пепел, как «пепел Клааса», стучал в его сердце; тот, кто на самом деле был главным

правозащитником нашего времени (недаром же награжден на Западе премией «Фонда свободы», в конце концов!), – в прогрессивном лагере своих соотечественников был назван врагом свободы и демократии. «...Я никогда не забывал страданий, поисков и порывов того безмолвного множества и не имел иной цели в жизни, как выразить именно их» (Речь на приеме в Сенате США 15 июня 1975 г.), – сказал он на приеме в Сенате США 15 июля 1975 г. Неудачу истории, ее возвратное движение Солженицын как читатель свободы связывал именно с пренебрежением к личности. «Средние века когда-то не удержали человечества, оттого что построение Царства Божия на земле внедрялось насильственно с отобранием существенных прав личности в пользу Целого».

Осознавая ключевую роль идеологии в поддержании тоталитарной системы, Солженицын предложил простое и гениальное know how. Как мыслитель и проповедник и как боец-одиночка на два фронта он обратился к обеим сторонам: к институциональной и к оппозиционной ей интеллектуальной власти, и к верхам и к интеллигенции, с призывом совершить посильное действие. Последних он призвал к неучастию во лжи, навязываемой партидеологией. (После высылки, познакомившись с Западом, – во лжи, навязываемой оглуленным общественным мнением.) Это был путь, который в позднесоветское время стершихся режимных зубов для подобных индифферентистов, «неактивных» строителей коммунизма, не нес угрозы жизни (лишь их благополучию); гражданина он звал не на баррикады, а всего лишь сделать доступный нравственный шаг, достойный звания человека. Но этот путь грозил режиму, лишая его главного столпа и утверждения. И грозил автору. Однако наша освободительная мысль не вместила призыва «жить не по лжи», она пошла другим путем.

Такова же была и судьба обращения к противоположной стороне – написанного и отправленного (5 сентября 1973 г.) еще до «выдворения» писателя из России «Письма вождам Советского Союза», которых автор призывал отказаться от марксизма-ленинизма (без болезненных жертв своими постами и привилегиями), что частично потом осуществил Горбачев, объявив о приоритете общечеловеческих ценностей перед классовыми. Выбор адресата «Письма», вызвал усмешки и критику ведущих диссидентов: к кому, мол, обращается?.. (Но почему же, почему не использовать шанс, там ведь тоже люди, значит, возможен хотя бы какой-то волевой люфт?..) И, главное, московские интеллигенты, «многословные критики» «Письма», набросившись на обращение не к ним, обращения к себе не заметили. А ведь «...был предложен второй и более верный путь, с нашей стороны: отшатнуться от идеологии и а м, перестать и а м поддерживать это злобное чучело – и оно рухнет помимо воли вождей».

Давно и напряженно размышлял Солженицын о выходе России «из-под глыб» тоталитаризма,

не переставая предупреждать об опасности немедленного введения демократии без авторитарного переходного периода, замешенного на принципах классического либерализма, или либерального консерватизма. «Любую из западных систем – к а к именно перенять?» через какую процедуру? – так, чтобы страна не перевернулась и не утонула?... Ни о чем об этом наши плюралисты не выражают забот». Он боялся этапа феврализации, которая приводит к Октябрю. Россия в конце XX века не перевернулась на революционный манер, но пережила свой Февраль в ослабленной форме, выпущенная на непротопанную дорогу ускоренной демократизации. В начале 90-х так же, как в начале века, во времена «Вех» Россия стояла перед решающим выбором. В этот осевой момент Февраль был представлен оппозиционной интеллигенцией. Ельцин, провозгласивший «Я верю, что Россия возродится» и заявивший о преемственности ее будущего с ее историческим, органическим прошлым, оказался зажат между вылезшими на поверхность коммунистами и непримиримой интеллигентской оппозицией. Иначе говоря, между теми же Февралем и Октябрем. В бескровном варианте повторялась ситуация 17-го: период неопределившейся, стихийной свободы, стушевывался, сходил на нет в начавшемся в нулевые годы процессе реставрации советских символов и атрибутов, умонастроеваний и упований в духе октябрьского прошлого, возвращении марксистских трактовок российской и советской истории, сокращении гласности, утеснении свободы слова, фальсификации выборной системы, наконец, вследствие неудавшейся декоммунизации страны, сначала робкой, но постепенно осмелевшей и принявшей теперь уже спонтанный характер ресталинизации общественного сознания.

Плюралистическая идеология, не вооруженная никакой воодушевляющей задачей, кроме эфемерного в глазах простого человека девиза «права и свободы человека», бессильна и неконкурентноспособна в противостоянии железному кулаку марксизма-ленинизма (вариант: национал-социализма) и обречена на социальное поражение. В этом хитроумном, противоречащем себе и здравому смыслу учении «люди запугаются, как в лесу» – предупреждал писатель. Неспособная одолеть коммунистическую идеологию, эта непролазная идейная чаща заслонила искомую для России дорогу и подвела ее к новой несчастливой форме бытия, к социальной системе, которая была поименована «бюроесом»⁸, сращением бюрократического и бизнес – аппаратов.

Подведем итоги: капиталистическая система у нас не задалась, потому что уничтожилась конкуренция. Демократия не задалась, потому что, как писал Солженицын, «не создано живое, нескованное местное самоуправление: оно осталось под давлением тех же местных боссов и местных коммунистов, а до Москвы – и тем более не докричишься»⁹. Партийная система не задалась, потому что по соче-

12/2009

танию обстоятельств она к нашей стране, мало подходит: выборы в правящие органы тут должны проходить не от партий, а «от земли», по территориальному принципу. В результате: мы живем в присутствии партийной системы, которая имеет скорее всего декоративный, симулятивный характер. Горькие последствия и плоды скоропалительной демократии писатель предсказывал, непрерывно о них предупреждал.

В общем – «обвал», как и было сказано¹⁰.

Настолько же, насколько разны идеологии в зависимости от лежащего в их основании принципа, настолько же разны авторитарные системы в зависимости от их отношения к закону и к личности. «Невыносима не столько авторитарность – невыносимы произвол и беззаконие» («Письмо вождям»), нужен авторитарный строй «с твердой реальной законностью, отражающей волю населения». И второе, что писатель отмечал в качестве неперменной характеристики искомого для России авторитаризма – это человеколюбие, опыт которого, как мы можем вспомнить по истории, у страны был в разные времена, в частности в попытках проведения «христианской политики». Но пока наш строй (названный младореформатором Е. Гайдаром «мягким авторитаризмом»), если и нельзя назвать нечеловеколюбивым – поскольку он объявил себя «социальным государством», – то никак нельзя назвать и законосообразным.

Получается, ни в городе Иван, ни в селе Селифан.

Между тем, в оценке современной демократии и авторитаризма как формы правления с писателем расходились и близкие ему люди на Западе, восторженные и преданные ему почитатели, глубокие ценители его гения и подвига. – Так трудна его веховская позиция для привычного современного восприятия. В отклике на Гарвардскую речь с критикой нынешней демократии Н.А. Струве¹¹ затрагивает тему устойчивой неприязни русской историософской традиции к демократии как царству посредственности и материальных интересов, к которой рецензент осторожно и оговорчиво относит и Александра Исаевича. Более того, последний, по мысли Струве, находится в менее оправданной позиции, поскольку славянофильским нелюбителям Запада было что ему противопоставить, а у Солженицына такого козыря нет: «А что теперь противопоставить Западу?». На это можно возразить, что бывают разные времена, и не всегда есть в наличии, в сущем, образцовый предмет, но его можно найти в должном, что особенно о объяснимо, если учитывать, что речь идет во времена подневольного оккупационного состояния России в течение 70-ти лет. Кстати, славянофилы тоже противопоставляли должное, из прошедшего сущего, из допетровской Руси. Но далее критик обмолвился, что у Солженицына нет возможности противопоставить худому Западу не только реальное, но и потенциально лучшее и в этом «ахиллесова пята Гарвардской речи».

А вот тут нужно вступить и заметить: «потенциально лучшее» многожды описано у Солженицына. Для него, повторим, таким предметом было возрождение России на путях классического, т.е. консервативного либерализма, на первых порах в виде просвещенного авторитаризма, – России, которую он не хотел бы видеть уподобленной выродившейся сегодняшней демократии. Прибавим к тому же, что писатель как всякий соотечественник со «страждущим сердцем» (выражение С. Булгакова) находил, что и в советское время в народе, особенно в провинции, с которой писатель был всегда душевно связан, еще не все потеряно (что подтвердилось для него воочию во время его возвратного движения по стране в 1994 году). И вечная аберрация: *не* правовое сознание считал избыточным Солженицын, как на это намекает рецензент, а панюридизм, вытесняющий правовое сознание, за которым стоит не одна формальная, а и нравственная правда. «Правду Гарвардской речи» Струве делит пополам: она не столько «в конкретных обличениях», сколько «в Божьей руке», присутствие которой критик видит в общем характере солженицынских пророчеств. Трудно представить такую дихотомию. Поражает как раз глубина и точность конкретной мысли, которую, кстати, никак не назовешь «нутряной», по характеристике рецензента. Впрочем, через год в статье «О демократии и авторитаризме»¹² Н. Струве снимает большинство несогласий с автором.

Но насколько же мысль писателя была чужда и потому недоступна для его оппонентов!? Какой клубок недоразумений возник при встрече соображений Солженицына со средой передовой интеллигенции! К сожалению, образцом тут послужил критический отклик на «Письмо вождям» такой значительной и значимой фигуры, как А.Д. Сахаров, начавший нашумевшую полемику.

Каждая позиция Солженицына была не просто перетолкована, а вообще не воспринята. Судите сами. Сомнения автора письма по поводу последствий внезапного перехода СССР к демократии оппонент расценивает как засевшую в душе антидемократическую приверженность к властным режимам, в то время как Солженицын мыслит авторитарное правление (и какое!?) в качестве *моста* для перехода от тоталитарного режима к демократическому. Причем, эта модель выдвигалась и против конвергенции между социализмом и капитализмом, которую поддерживал Сахаров, но в которой Солженицын видел соединение *пороков* двух систем.

Призыв к властям отказаться от агрессии, перестать «пригребать державной рукой соседей», отбросить «чуждые мировые фантастические задачи», был истолкован в качестве призыва к «изоляции». Критика распродажи недр вместо развития собственной экономики (до чего сегодня злободневны эти давние предупреждения!) воспринимается тут как отказ от мировой торговли. И, на-

конец, центральный пункт – идеология, роль которой, с точки зрения Сахарова, автор «Письма» безосновательно преувеличил. Но ее «преувеличить невозможно», – ответил Солженицын, что он доказал и обосновал исторически и логически. Между тем, можно вспомнить, что в разгар полемики писатель выдвинул Сахарова на Нобелевскую премию мира как «гиганта борьбы за человеческое достоинство». Со временем позиции их сблизилась, спор знаменательно окончился: в сборник статей: А.Д. Сахаров «О стране и мире» (1975 г.) злополучный отклик на «Письмо вождам» автор не включил.

Однако в лагере бывших единомышленников Сахарова, бездвижных сторонников бесперебойного прогресса, агитаторов догматического западничества не перестает резонировать прошлое размежевание. «На тех мыслях, которые Сахаров прошел, миновал, еще коснеет массивный слой образованного общества... Еще немалые круги на Западе разделяют те надежды, иллюзии и заблуждения». Это было написано в 1973 году, но и сегодня можно повторить: эти круги у нас и на Западе коснеют на тех же позициях.

Одно из неизбывных заблуждений в *vir*-диссидентской среде: Солженицын-антизападник, нетерпимый для его идейных противников славянофил. Между тем был он – веховцем, суровым критиком Запада, но Запада, изменившего самому себе в процессе секуляризации. – В такой же степени, в какой был им критик Запада знаменитый европеец, философ культуры и христианский публицист Романо Гвардини («Европа восстала против своей сущности» – образа Христа). Солженицын не ищет в процессе обезбожения некие специфически западные корни и импульсы, а видит общие с нами, Восточной Европой, причины – утрату веры, плоды дехристианизации. «Люди забыли Бога, оттого и всё». В том, что Запад далеко опередил нас на пути разложения традиционного общества, мы должны благодарить 17-й год, «подморозивший» страну. (Не было бы счастья, да несчастье помогло.) Под глыбами коммунизма мы задержались «в развитии», но семимильными шагами догоняем и перегоняем цивилизованный мир именно в этом направлении.

Писатель вдумывается в наше время, время не только политического расстройтва. С пророческой тревогой исследует он духовное состояние современного мира, новое положение в нем художника, искусства и литературы в первом же, как мы помним, тематическом выступлении – в Нобелевской лекции. Что такое искусство и что с ним происходит? – задается неотвязными вопросами писатель и обнажает глубокий разлом внутри искусства и внутри русской литературы. Да, искусство вечно и, прибавим от себя, врата ада не одолеют его. Однако не всё есть искусство.

Как и во всех других вопросах, так же и здесь, мысль Солженицына идет по магистральному, царскому пути, не соскальзывая ни по декадентскому,

ни по авангардному ее уклону (что, в конечном счете, сводится к одному), и все его, солженицынские новые формы-открытия идут не по этим линиям.

Нетрудно понять, что писатель выступает как наследник и защитник классической эстетики, опирающейся на онтологию красоты, оставленной художественной теорией и практикой последнего столетия ради эстетики выразительности (по Дж. Кроче); что он продолжатель Вл. Соловьева и русского религиозно-философского Ренессанса, разделявших представления о мире как гармоническом в своем прообразе целом. Для писателя благое устройство бытия есть его имманентная истина, которая проявляется вовне как красота и присутствие которой за всеми трагедиями мира есть условие и гарантия подлинного творчества.

Спасет ли мир красота? – ставит снова еще один знаменитый дискуссионный вопрос и, обращаясь к вечному триединству «Истина, Добро и Красота», видит в нем «не просто парадную, обветшавшую формулу, как казалось нам в пору нашей самонадеянной юности», а возможность положительного ответа на сакраментальный вопрос. Различая разные службы у начал, входящих в эту неслиянную и нераздельную троицу, писатель художественным образом акцентирует особую роль, специфический способ бытия в ней Красоты: «Если вершины этих трех деревьев сходятся... но слишком явные, прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, то может быть, слишком непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся *в то же самое место*, и так выполнят работу за всех трех? И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасет красота?».¹³ Но поскольку источник красоты есть прекрасный прообраз мира, сотворенного Демиургом с любовью, потому истинно художественное произведение, то, которое «подчиняет себе даже противящееся сердце», земной творец должен создавать с благоговением, т. е. по тем же законам, по которым Творец создавал мир. (Трудно представить себе, чтобы можно было создать какой-то новый *художественный*, иначе говоря, *живой* мир, по целиком выдуманному закону.) Но если такова сила красоты, «тогда искусство и литература могут на деле помочь сегодняшнему миру», – завершает Нобелевский лауреат философское умозаключение.

Но что увидел Солженицын, вернувшийся на волю и как экз, жаждавший встречи с этим сегодняшним миром, верящий в то, «как сразу отзывно откликнется мир» «на крик исстрадавшейся души», пережившей на себе нечеловеческий опыт? И не от себя только, а за тех, «кто канул в ту пропасть уже с литературным именем». И сколько их, *unknelled, uncoffined and unknowled!*¹⁴ Но между мирами, колодечным и свободным зияла целая пропасть окамененного нечувствия. Нынешний мир веселится и пирует во время чумы. Пропать писатель увидел зияющей и между литературами, русской, какой мы

ее знали, и – какой мы ее узнаем. Всегдашняя сострадательность, сочувственность, больная совесть русской литературы куда-то исчезли. Художник не благоволит к Божьему творению, он «мнит себя творцом независимого духовного мира... объявляет себя центром бытия», хотя «мир не им создан, не им управляется».

Наследуя мысли Солженицына, мы должны объявить здесь водораздел между искусством, которое «и на дне существования – в нищете, тюрьме и болезнях» передает ощущение «устойчивой гармонии» первооснов мира, и – не-искусством, анти-искусством. Писатель сразу обнажает ахиллесову пяту нынешнего творчества, чей критерий – новизна, вытеснившая онтологический критерий классической эстетики – красоту. Погоня за новизной подменила красоту деформированными и шокирующими образами, ставшими в конце концов главной целью творчества. Искусственный и надуманный мир потенциально может быть любим, ему закон не писан, но по своему главному импульсу – поражать своим несходством с миром реальным – он обычно предстает перед нами миром абсурда, лишенным гармонии и смысла в своих первоначальных основаниях. И к теме этой плодоносящей по-своему, разрушительной пустоты на месте свято, которое пусто не бывает, писатель возвращается в разных местах своей публицистики. Среди симптомов нынешней языковой и духовной разрухи он отмечает: утрату смысла у отдельных слов и превращение их в «пустышки»; ситуацию, «когда иерархия ценностей, которой мы поклоняемся, что мы считаем самым для себя дорогим и что менее, из-за чего колотится наша жизнь и наше сердце – эта иерархия начинает качаться и может рухнуть». С тех пор, когда говорились эти слова (Речь на приеме в Сенате США 15 июля 1975 г.), прошло больше трети века. Крот истории в лице захлестнувшего сегодняшнее сознание постмодернистского мировоззрения, который объявил иерархию ценностей вместе с «логоцентризмом» (т.е., по сути, со здравым смыслом) своим главным врагом и вступил с ней в реальную борьбу на подмостках культуры, сумел добиться больших успехов, повалив ее, иерархию и вовсе набок. Иллюстрации это не требует; мы, те из нас, кто не захвачен этой деструктивной борьбой, можем без труда засвидетельствовать ее достижения в качестве зрителей.

«Приближается крупный поворот всей мировой истории, всей цивилизации», мы «подшли к последнему краю великой исторической катастрофы» (267), – возвещает писатель, предостерегая свободный мир и как пророк и как культурфилософ. Культурфилософия не раз предрекала «закаты Европы» и приход «Нового Средневековья». О. Шпенглер выстраивал культурную историю человечества в виде сменяющих друг друга замкнутых циклов, разнящихся своим тактом и ритмом; в «Новом Средневековье» Н. Бердяева эклектически сочетается натуралистический взгляд на ритмическую

смену эпох а la Шпенглер с эволюцией основополагающей для той или иной культуры духовно-нравственной идеи, истощение которой по какой-либо причине ведет к смене эпох. Солженицын вносит в культурфилософию последовательный взгляд, базируя ее на христианской онтологии: культурные эпохи кончаются из-за одностороннего развития какого-либо одного «отвлеченного начала» (используем термин Вл. Соловьева) и утраты необходимого равновесия, взаимодействия с другими дополняющими его началами (вера в Бога и – уважение к человеческой личности).

«Как когда-то человечество разглядело ошибочный нетерпимый уклон позднего Средневековья и отшатнулось от него – так пришло нам время разглядеть и губительный уклон позднего Просвещения. Нас глубоко затянуло в рабское служение удобным материальным вещам, вещам, вещам и продуктам. Удастся ли нам встряхнуться от этого бремени и расправить вдунутый в нас от рождения Дух, только и отличающий нас от животного мира?..», – вопрошал он европейскую аудиторию (Выступление по английскому радио 26 февраля 1976 г.).

Все, что отвращало писателя в культуре Запада в 70-е годы – культ наслаждения и потребительства, утрата чувства чести и стыда, долга и ответственности, «отвратный напор рекламы», одурение телевидения и непереносимой музыки, – все это перенеслось в 90-х годах и к нам, пышно расцвело и стало насильственной тотальной атмосферой российской жизни. «Свободой Рим возрос, а рабством погублен».¹⁵ Писатель предвидел такую судьбу для России и стремился к тому, чтобы чаша сия миновала ее, чтобы из одной бездны она не попала в другую. Он пытался объяснить современникам, что существуют не только «мрачные пропасти тоталитаризма», но и непроглядная тьма «светлой твердыни свободы». И потому, думая о России, настаивал на переходном авторитарном управлении не без царя в голове и с законом в руках.

Величие Солженицына как мыслителя и пророка – в том, что его смертельная борьба с коммунизмом не затмила смертельную же опасность, которую миру и России несет, казалось бы, полярное, а по существу единое в своем материалистически-атеистическом корне новое свободолобие.

Но мир не услышал его.

Услышит ли еще Россия?

¹ В 1975: «Третья мировая?..» 28 апреля 1975, Речь в Вашингтоне перед деятелями профсоюзов АФТ – КПП 30 июня, Речь в Нью-Йорке перед такой же аудиторией 9 июля, Речь на приеме в Сенате США 15 июля 1976, Выступление по английскому радио 26 февраля 1976, Слово на приеме в Гувровском институте 24 мая; Слово при получении премии «Фонда свободы» 1 июня; в 1978, Речь в Гарварде, 8 июня; статьи в 1980 году: «Коммунизм у всех на виду – и не понят» в январе 1980; «Чем грозит Америке плохое понимание России» в феврале 1980, «Иметь мужество видеть» в июле 1980.

² О. Александр Шмеман вспоминает, как он с Н. Струве заезжали к Литвиновым. «Кончилось своеобразным скандалом: Майя (жена Литвинова, вообще-то милая и симпатичная) стала орать, что “Солженицын – нуль”, ничто, “наполнен-

ное”, вытянутое из ничто ими – московскими и ленинградскими “интеллигентами”» («Дневники», М., 2005, с. 360).

³ Вехи. М., 1990, с. 4.

⁴ См. Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М., 2009.

⁵ См. Вестник РХД, №99, 1970.

⁶ Вестник РХД, 1982, №5; см. также: 7-е дополнение к очеркам литературной жизни «Бодался теленок с дубом», Париж, 1975, – Том 1..

⁷ См. Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Summa ideologiae // Формирование идеологии и социальная практика. М., ИНИОН СССР, 1987.

⁸ Словообразование политолога Д. Орешкина

⁹ Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века. /Новый мир, 1994, №7, с.171–172.

¹⁰ Ср. Солженицын Россия в обвале. М., 1998.

¹¹ Струве Н.А. О Гарвардской речи А.Солженицына. Вестник РХД, Париж, 1978, № 126.

¹² Вестник РХД, Париж, 1979, №130.

¹³ Фраза вложена в уста Л.Н. Мышкина, персонажа романа «Идиот».

¹⁴ Неотпетых, непогребенных и неузнанных. Дж. Байрон.

¹⁵ А.С. Пушкин. Лицинию.

ЮБИЛЕИ ГОДА

Андрей Сергеев

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

К 260-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА РАДИЩЕВА

20 (31) августа 1749 г. родился Александр Николаевич Радищев – прозаик, поэт, общественный деятель. По мнению культурной элиты Серебряного века – «первый русский интеллигент», в оценке Екатерины II – «бунтовщик хуже Пугачева», по убеждению А.С. Пушкина – «певец свободы», которого, однако, душители свободы – большевики считали своим предтечей.

В знаменитой энциклопедии «Британика» есть две статьи – «Интеллигенция» и «Русская интеллигенция». На Западе вопрос о принадлежности к этому слою решается просто: человек с университетским образованием, работающий по специальности в интеллектуальной сфере – интеллигент. У нас все намного сложнее. В России и поэт, больше чем поэт. Те, кого в России XIX в. причисляли к интеллигентам, а точнее, кого сами интеллигенты причисляли к своей касте, должны были обладать определенным «джентльменским набором»: высокий уровень помыслов, вселенская скорбь, стремление осчастливить человечество, или, по крайней мере, русский народ, безусловная оппозиционность по отношению к правительству, что бы оно ни делало, критичное отношение к существующей в обществе морально-этической системе ценностей, социальному укладу. При этом образовательный уровень интеллигента был делом второстепенным, достаточно интеллектуального флера, начитанности и общей эрудиции. Недоучившийся студент, если он обладал перечисленными чертами натуры, вполне причислялся к интеллигенции. Но в этом категорически отказывали профессору, если он был законопослушным подданным, тем более не могло быть речи о том, чтобы считать интеллигентами «прямых слуг режима» – генерала или священника. Конечно, так думали не все. В конечном счете, обозначились два типа русских интеллигентов, два образа мысли и действия – созидательный и разрушительный. Наиболее яркий пример первого – Михаил Васильевич Ломоносов, второго – Владимир Ильич Ленин. Однако дуализм понятия проявился далеко не сразу. Александр Радищев в известной

мере сочетал в себе элементы каждого из двух типов.

«Путевка в жизнь»

Выходец из богатой московской дворянской семьи, он в 1762–1766 гг. учился в пажеском корпусе (Санкт-Петербург), и, бывая во дворце, мог составить себе непосредственное представление о екатерининском дворе. Но никаких протестов против царивших там нравов Радищев в этот период своей жизни не высказывал. Когда императрица повелела отправить в Лейпциг для научных занятий двенадцать молодых дворян, отбор производился с учетом успехов не только в учении, но и в поведении. Одним из счастливых избранников стал Александр Николаевич. Так что «путевку в жизнь», как стали выражаться два столетия спустя, будущему бунтарю дала сама государыня.

Она же собственноручно составила инструкцию относительно занятий русских студентов за границей: «1) Обучаться всем латинскому, французскому, немецкому и, если возможно, славянскому языкам, в которых должны себя разговорами и чтением книг экзерцировать. 2) Всем обучаться моральной философии, истории, а наипаче праву естественному и всенародному и несколько и Римской истории и праву. Прочим наукам обучаться оставить всякому по произволению».

Разговорами и чтением на родном языке Радищев себя видимо «экзерцировал» мало – по свидетельству близко знавших его людей, за годы пребывания за границей он почти полностью забыл русский язык. Восстанавливал, вернувшись на родину, штудирова произведения Ломоносова. Это отрази-

лось и на стиле, который ко времени написания Радищевым своих произведений, уже считался старомодным, и на образе мыслей автора.

Жизнь на чужбине составила для Радищева новые впечатления о, как бы это ни казалось парадоксальным, российской действительности. На содержание студентов были назначены значительные средства – по 800 р. (с 1769 г. – по 1000 р.) в год на каждого, но приставленный к учащимся в качестве гофмейстера («воспитателя») майор Бокум утаивал значительную часть денег, так что студенты сильно нуждались. Их поместили в сырой, грязной квартире. Радищев, по донесению кабинет-курьера Яковлева, «находился всю бытность (Яковлева) в Лейпциге болен, да и по отъезде еще не выздоровел, и за болезнью к столу ходить не мог, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Он в рассуждении его болезни, за отпуском худого кушанья, прямой претерпевает голод».

Во избежание ропота, в порядке превентивной акции Бокум представил студентов бунтовщиками. Даже обратился к содействию Лейпцигских властей – потребовал солдат и посадил всех студентов под строгий караул. Лишь вмешательство русского посла воспрепятствовало эскалации конфликта, но неприятный осадок в юных душах не мог не отложиться. Неудачно также было избрание для студентов духовника: с ними был отправлен иеромонах Павел, человек веселый, но малообразованный, вызывавший насмешки студентов.

Авторитетный лидер выдвинулся из них самих – некто Ушаков, старший среди учащихся. Его отличали «твердость мыслей и вольное их изречение». Тяжело заболев, он рано ушел из жизни. Незадолго до кончины просил дать ему яду, чтобы поскорее окончить мучения. В этом Ушакову было отказано, но данный эпизод заронил в Радищеве мысль, «что жизнь несносная должна быть насильственно прервана».

Читали студенты много – преимущественно французских писателей эпохи Просвещения. Основную роль в формировании мировоззрения Радищева сыграли произведения Вольтера, Дидро, Руссо, читая которых, он, по его словам, «учился мыслить».

В общем, Радищев в Лейпциге, где он пробыл пять лет, приобрел разнообразный опыт и знания, в том числе серьезные научные. Он действительно стал одним из наиболее образованных людей своего времени, причем не только в России.

На государственной службе

В 1771 г. он вернулся в Петербург и скоро поступил на службу в Сенат протоколистом с чином титулярного советника. В 1773–1775 гг., в качестве обер-аудитора (дивизионного прокурора), служил в штабе командующего финляндской дивизии генерал-аншефа Брюса, и выделился добросовестным отношением к своим обязанностям. Это были годы пугачевского восстания. По долгу службы Радищев

знакомился с делами беглых рекрутов, злоупотреблявших своей властью помещиков, манифестами Пугачева, приказами военной коллегии. Все это, безусловно, расширило его кругозор.

В 1775 г. Радищев вышел в отставку с армейским чином секунд-майора. Но в 1778 г. был вновь определен на службу в государственную камерц-коллегию на ассесорскую вакансию. Будучи в этой должности, он активно занялся общественной деятельностью. В 1780-е пропагандировал идеи русских просветителей: Новикова, Фонвизина, Кречетова. С интересом следил за событиями войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), его симпатии были, естественно, на стороне северян.

В 1784 г. в Петербурге бывшие воспитанники университета создали «Общество друзей словесных наук». В него вступил и Радищев, мечтая «подчинить целям революционной пропаганды» издаваемый обществом журнал «Беседующий гражданин». Здесь в 1789 г. была опубликована первая крамольная статья Радищева «Беседа о том, что есть сын Отечества».

За год до этого Радищев был переведен из коллегии на службу в петербургскую таможенную помощником управляющего, а потом назначен и управляющим. Здесь он проявил себя как человек бескорыстный, что для работников данной сферы никогда не было характерно.

Удар судьбы

В 1783 г. умерла жена Радищева, которую он, по свидетельству друзей, очень любил. Тяжесть утраты усугублялась чувством вины перед ней. Дело в том, болезненное состояние Александра Николаевича в период его пребывания за границей было следствием не только воровства гофмейстера Бокума. В своей главной книге – «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев напишет: «Вспомнил дни распутная моя юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялась за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовных утех истинным предметом горячности. Вспомню, что невоздержание в лобострастии навлекло телу моему смрадную болезнь». Автор сокрушается по поводу того, что награбил этой болезнью свою жену («ложная стыдливость воспретила мне ее в том предостережень» и будущих детей).

Психологический надлом, а, возможно и изменения в психике, зачастую выступающие как осложнение, способствовали парадоксальному выводу: «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство?»

Радищев стал искать успокоения в литературной работе. Воспользовавшись указом Екатерины II о вольных типографиях, он завел таковую у себя

на дому и в 1790 г. напечатал в ней свое «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске, по долгу звания своего». В этом небольшом сочинении описывается открытие памятника Петру I и попутно высказываются некоторые общие мысли о государстве. «Письмо» было «пробой», вслед за ним Радищев выпустил свое главное сочинение – «Путешествие из Петербурга в Москву». В нем содержится нелицеприятное изображение жизни различных слоев русского общества, которую автор призывает изменить, руководствуясь идеалами Просвещения. Его основополагающая мысль, что правительство существует для народа, а не наоборот. В «Путешествии» включено более раннее стихотворное произведение – ода «Вольность». Автор сетует: «Вольность... Ода... – За одно название отказали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: “Вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам”. Следственно, о вольности у нас говорить вместно».

Однако сам текст оды свидетельствует о том, что Радищев трактует вольность совсем не так, как Екатерина II:

*Чело надменное вознеси,
Схватив железный скипетр, царь,
На громком троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь...*

*Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны природы;
Се право мицненное природы
На плаху возвело царя.*

Написав, а затем и опубликовав эти строки, Радищев обозначил свой переход на позиции экстремизма. Попутно, для характеристики «ужасов царизма» и «зажима» при нем интеллектуальной свободы, отметим, что книга была издана «с дозволения управы благочиния», т. е. с разрешения цензуры. Она быстро раскупалась, ее появление обратило на себя внимание самой императрицы. Она даже составила «вопросные пункты» Радищеву, а начавшееся следствие над ним взяла под свой контроль. Посаженный в крепость, Радищев заявлял о своем раскаянии, отказывался от своей книги, но вместе с тем в показаниях нередко высказывал те же взгляды, какие приводились в «Путешествии».

Судьба Радищева была предрешена: он был признан виновным в самом указе о предании его суду. Задача уголовной палаты состояла только в том, чтобы дать законные формы осуждению. Это было

нелегко, так как трудно обвинить автора за книгу, изданную с надлежащего разрешения. Следователи искали, не является ли Радищев руководителем какой-либо подпольной организации, но сообщников у него не оказалось.

Уголовная палата применила к подсудимому статьи Уложения о покушении на государево здоровье, о заговорах, измене, и приговорила его к смертной казни. Приговор, утвержденный Сенатом, был представлен Екатерине. 4 сентября 1790 г. она подписала именной указ, который признавал Радищева виновным в преступлении присяги и должности подданного, изданием книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование против начальников и начальства».

Но смертная казнь была заменена ссылкой на десять лет в Сибирь, в Илимский острог, формально – в связи с заключением мира со Швецией. Радищев пробыл в ссылке до конца царствования Екатерины. Проживание в Сибири было облегчено тем, что его бывший начальник по камерц-коллегии граф А.Р. Воронцов оказывал поддержку ссылке писателю, доставлял ему покровительство со стороны местных начальников, присылал книги и журналы. Находясь в ссылке Радищев вторично женился!

Вернул Радищева из Сибири Павел I вскоре после своего воцарения (Высочайшее повеление 23 ноября 1796 г.). Император Павел имеет репутацию крайнего реакционера, непримиримого врага любого инакомыслия. В связи с этим, амнистия Радищеву выглядит странно. Однако, Павел I стремился улучшить положение крестьян – запретил помещикам принуждать их к работе в выходные дни, а для «казенных мужиков» предписал «удовлетворить» их достаточными земельными наделами. Специальный закон касался сельского и волостного самоуправления государственных крестьян. Что касается Радищева, то тяжкая доля российского земледельца была основной причиной его недовольства существующим в обществе порядком вещей. Одна из первых зарисовок, данных в «Путешествии», посвящена беседе автора с крестьянином, вынужденным работать в воскресенье.

А может, все было проще. Павел I ненавидел свою матушку – Екатерину II, и все, что для нее было плохо – для него было хорошо.

Радищева обязали жить в его имении в Калужской губернии. После воцарения Александра I он получил полную свободу, был вызван в Петербург и назначен членом комиссии для составления законов. Однако, когда Радищев подал свой либеральный проект реформ, председатель комиссии, граф П.В. Завадовский, и текст и автора подверг суровой критике, и даже как бы невзначай упомянул о «сибирском периоде» его жизни.

12 сентября 1802 г. Александр Николаевич Радищев принял яд и умер – «жизнь несносная долж-

12/2009

на быть насильственно прервана». Он похоронен на Волковом кладбище в Петербурге.

В 1858 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» было переиздано А.И. Герценом в Лондоне, став одним из первых «тамиздатовских» произведений.

Но уже в 1870 г. на родине автора вышло полное собрание его противоречивых сочинений, а восемью годами позже было дано Высочайшее соизволение на открытие в Саратове «Радищевского музея». До «возведения царя на плаху» оставалось сорок лет.

Игорь Шауб

«Чудовище, но какой писатель!»

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Вопрос: Мистер Набоков, как вы оцениваете свое положение среди классиков XX в.?

Ответ: Ах, какой прекрасный вид открывается отсюда!

*Вот силлогизм: другие смертны, да,
Я – не «другой»: я буду жить всегда.*

В. Набоков

Владимир Набоков родился ровно через 100 лет после А.С. Пушкина, что любил подчёркивать, хотя и предпочитал «трехмерному» Пушкину «четырёхмерного» Гоголя, и в один день с Шекспиром (а также, как он сам отмечал, с американской кинозвездой Ширли Темпл), на языке которого уже читал и писал тогда, когда по-русски мог прочесть только слово «кака». Благодаря своему обожаемому отцу, англоману и масону, одному из лидеров кадетской партии, Набоков получил прекрасное космополитическое образование, без которого он едва ли смог бы стать выдающимся явлением не только русской, но и англоязычной литературы (не случайно Набокову в детстве Эдем представлялся британской колонией).

Петербургская жизнь будущего писателя была настолько безоблачно счастливой (любовь и уважение в семье, материальное и духовное изобилие), что ушедшее детство, сливаясь с покинутой Россией, стало потерянным раем – источником вдохновения и одной из главных тем творчества.

Набоков оставил поистине огромное литературное наследие. Только на русском языке им было написано восемь романов, несколько десятков рассказов и повестей, сотни стихотворений, ряд пьес. К этому добавляется обширное англоязычное творчество – романы, автобиографическая проза, книга о Гоголе, статьи о русской литературе, сборники интервью, многочисленные переводы русской классики.

Тем знаменательнее его «двусмысленная слава и недвусмысленный талант».

Отзыв о Набокове, вынесенный в заглавие данной статьи, принадлежит И.А. Бунину, который обнаруживал в молодом писателе также «блеск, сверкание и отсутствие полное души». «Талантливым пустоплясом» назвал Набокова А.И. Куприн. «Думаю, что в нем были барски-вырожденческие черты», – писал о Набокове Б.К. Зайцев, отмечая «странную вещь: происходя из родовитой дворянской семьи, нравился больше всего евреям – думаю, из-за некоего духа тления и разложения, который

сидел в натуре его. Это соединялось с огромной виртуозностью».

Неудивительно, что последним русским классикам столь чужд был несомненный талант писателя-космополита, новатора-стилиста, по мнению которого «все великие достижения литературы – это феномен языка, а не идей» и для которого гоголевский Акакий Акакиевич «абсурден хотя бы потому, что человек».

Естественно, что западные знатоки литературы воспринимают Набокова совершенно иначе: «За всю историю русской литературы было только два

прозаика, соразмерные Набокову по таланту: Гоголь и Толстой» (Э. Филд).

«Набоков – главный русский писатель XX в.» (так считают многие). Кто же прав?

*Мы с тобою так верили
в связь бытия,
Но теперь оглянувшись я –
и удивительно,
До чего ты мне кажешься,
юность моя,
По цветам не моей,
по чертам недействительной! –*

Эти стихи можно уподобить взгляду любезной его сердцу бабочки (Набоков был известным специалистом по лепидоптерам), оглянувшейся на оставленный кокон. Еще одно удивительное сходство творческой манеры Набокова с поведением бабочки – он постоянно кружит над избранным образом (приемом, мыслью), перемещающимся из одного произведения в другое, сплетая в контексте своего творчества причудливые узоры, создавая удивительные миражи. Жизненный цикл бабочки подчинен какой-то определенной точке пространства, вокруг которой насекомое совершает свои концентрически расширяющиеся полеты (для писателя Набокова такая точка – его эго).

Постоянные занятия чешуекрылыми поддерживали остроту и цепкость взгляда Набокова, подобно тому, как серьезные занятия шахматами развивали его редкостный композиционный дар.

Несмотря на постоянные утверждения типа «я чистейшей искры выдумщик и никого не сую в свои вещи», Набоков не менее Л. Толстого пользуется действительностью.

Пожалуй, нет другого писателя, который всю свою жизнь писал бы о себе самом (кроме романа «Король, дама, валет»).

Бросается в глаза и похожесть персонажей Набокова, их поразительная повторяемость. Из книги в книгу переходят одни и те же предметы (синекрасный детский мяч), одни и те же символы (зеркала), почти одинаковые образы.

Ярчайший пример такого вязчивого образа дает Лолита – девочка-подросток, сексуальная жертва-палач из одноименного романа, прославившего имя писателя. Писатель утверждал, что идея нимфетки пришла ему в 1940 г., однако сюжет, где «совсем еще девочка – знаете, когда ничего не оформилось» побуждает вдовца жениться на ее матери, и с тех пор отчим испытывает «соблазн, вечную пыточку, зуд, безумную надежду», появляется в «Даре» (1937). Подобные нимфетки появляются и в других произведениях Набокова, написанных до и после «Лолиты», самый ранний из которых – девочка Лилит одноименного стихотворения, написанного в середине 20-х годов. К этому неблагоприятному произведению, названному по имени злого женского (но не всегда) духа иудейской демонологии, овладевающего мужчинами против их воли, автор сделал следующее многозначительное приме-

чание: «Догадливый читатель воздержится от поисков в этой абстрактной фантазии какой-либо связи с моей позднейшей прозой».

Потому-то с такой параноидальной настойчивостью Набоков декларировал свое отвращение к «венскому шарлатану», «венской делегации» и т.п. (т.е. к Фрейду и фрейдизму), что прекрасно сознавал, каким благодатным объектом для психоанализа является его творчество.

Известны высокомерие, презрение, а иногда и ненависть писателя к живым и умершим собратьям по перу. Так, по Набокову Толстой, конечно, писатель неплохой, но самое лучшее место в «Воине и мире» – это сцена ампутации Анатолию Курагину его «белой» ноги; Гете – пошляк, Достоевский достоин уничтожения (как писатель) за свои ничтожные «полицейские романы»... Список подобных высказываний можно многократно умножить.

«Зачем я вообще пишу? Чтобы получать удовольствие, чтобы преодолевать трудности. Я не преследую при этом никаких социальных целей, не внушаю никаких моральных уроков... Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать их изящными решениями», – размышлял Набоков. Но не меньшее удовольствие получал он и от издевательств над прославленными современниками, не обходя своим глумлением даже А.А. Ахматову:

*Я надела темное платье,
И монашенки я скромней.
Из слоновой кости распяты
Над холодной постелью моей.
Но огни небывалых оргий
Прожигают мое забытьё.
И шепчу я имя «Георгий» –
Золотое имя твое.*

Подобное отношение к собратьям по перу далеко не всегда можно объяснить элементарной завистью. Несомненно, Набоков завидовал присуждению очередной Нобелевской премии не ему, а презираемому им Пастернаку. Но почему на строки затравленного нобелевского лауреата:

*Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.*

Набоков немедленно откликнулся стихотворением, начинавшимся так:

*Какое сделал я дурное дело,
И я ли развратитель и злодей,
Я, заставляющий мечтать мир целый
О бедной девочке моей?*

Россия в этой весьма кощунственной пародии слишком нарочито подменена Лолитой, чтобы для ответа на поставленный вопрос отказываться от скорой помощи «венской делегации».

С позиции психоанализа можно говорить о мощном сексуально-ностальгическом комплексе, питавшем творчество Набокова. В этом комплексе сексуальные фантазии, расцветавшие уже тогда, когда молодой барин взволнованно глядел на «дет-

12/2009

ско-девичье тело» купавшейся молодой крестьянки, а затем с ужасом на ее грязные ноги («Другие берега»), причудливо переплетались с любовью-ненавистью к России. Изнемогая от тоски по родине, двадцатилетний юноша Сиринов в стихотворении «Вьюга» вдруг говорит словами старого «американского» Набокова:

Ах, как воеет, как бьется – кликуша.

Коли можешь, – пойдти и спаси.

А тебе-то то что? Полно, не слушай...

Обойдемся и так, – без Руси.

Незадолго до переселения в Америку Набоков пишет (и, знаменательно, тотчас переводит на английский язык) одно из лучших своих стихотворений, «К России»:

Отвяжись – я тебя умоляю!

Вечер страшен, гул жизни затих.

Я беспомощен. Я умираю

от слепых наплываний твоих.

Тот, кто вольно отчизну покинул,

волен выть на вершинах о ней,

но теперь я спустился в долину,

и теперь приближаться не смей.

Навсегда я готов затаиться

и без имени жить. Я готов,

чтобы с тобой и во снах не сходиться,

отказаться от всяческих снов;

обескровить себя, искалечить,

не касаться любимейших книг,

променять на любое наречье

все, что есть у меня, – мой язык.

Но зато, о Россия, сквозь слезы,

сквозь траву двух несмежных могил,

сквозь дрожащие пятна березы,

сквозь все то, чем я смолоду жил,

дорогими слепыми глазами

не смотри на меня, пожалей,

не ищи в этой угольной яме,

не нащупывай жизни моей!

Ибо годы прошли и столетья,

и за горе, за муку, за стыд

– поздно, поздно! – никто не ответит,

и душа никому не простит.

Эти пронзительные стихи, по признанию самого Набокова, были вызваны «известным пакостным пактом», т.е. договором 1939 г. между СССР и Германией. К слову, приютившую Набокова на 15 лет страну и ее народ писатель ненавидел люто (Германия – «мерзкая и страшная страна. Я всегда не выносил немцев, немецкий скотский дух»; «мое страстное желание – чтобы Россия... стерла Германию с лица земли вместе с последним немцем...» и т.п.). А вот космополитическую Америку Набоков нежно полюбил (во всяком случае, на словах).

Что же касается России, то – странное дело – как только в своих воспоминаниях об отечестве Набоков «пробует выйти в область человеческих

чувств, он впадает в совершенно нестерпимую, не свойственную ему слащавую сентиментальность (напоминающие, правда, некоторые ранние его стихи)» (Г. Струве). Кроме того, по справедливому наблюдению только что процитированного автора, «здесь, в рассказе о невыдуманной, действительной жизни на фоне трагического периода русской истории с полной силой сказался феноменальный эгоцентризм Набокова, временами граничащий с дурным вкусом, как часто граничит с дурным вкусом его пристрастие к каламбурам...». Навязчивая потребность Набокова постоянно играть словами поразительно роднит писателя... с Маяковским, который, по меткому определению К. Чуковского, имел «каламбурное мышление». Кстати, болезненно презираемый Набоковым Ф.М. Достоевский отмечал у русских людей пристрастие к дурным каламбурам (вероятно, эта национальная особенность была одной из немногих истинно русских черт Набокова).

«Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением, а это, в свой черед, я понимаю как особое состояние, при котором чувствуешь себя – как-то, где-то, чем-то – связанным с другими формами бытия, где искусство есть норма. Все остальное, это либо журналистическая дребедень, либо, так сказать, Литература Больших Идей, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной, но зато подается в виде громадных гипсовых кубов, которые со всеми предосторожностями переносятся из века в век, пока не явится смельчак с молотком и хорошенько не трахнет по Бальзаку, Горькому, Томасу Манну», – писал Набоков, явно мысля себя этим смельчаком (а-ля Ницше?). Однако чем хочет заменить подобную литературу Набоков? На этот вопрос писатель, скромно (а-ля Дали) поясняя, что «говоря совершенно объективно», он «еще ни у кого не встречал такой ясной, такой одинокой и такой сбалансированно-безумной головы», как у себя самого, мог бы ответить: литературой фокусов и ребусов, «причуд и капризов», одним словом, – Литературой Большого Обмана, ибо «все искусство – это обман». Кроме того, с такой эстетической платформой прекрасно согласуется тот факт, что при всей своей «эксклюзивности» писатель всегда активно сотрудничал с популярными изданиями, вплоть до «Плейбоя».

Однако нельзя не согласиться с З. Шаховской, что «Владимир Набоков – самый большой писатель своего поколения, литературный и психологический феномен. Что-то новое, блистательное и страшное вошло с ним в русскую литературу и в ней останется. Он будет – все же, вероятнее всего – как Пруст, писателем для писателей, а не как Пушкин – символом и дыханьем целого народа».